

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШІЙ

АНТОНІЙ

АРХІЕПИСКОПЪ КАЗАНСКІЙ И СВЯЖСКІЙ.

(НЕКРОЛОГЪ).

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1880.

Отдельный оттиск из декабрьск. книжки „Православнаго Собесѣдника“ 1879.

НЕКРОЛОГЪ.

Угасъ свѣтильникъ паствы казанской, Высокопреосвященнѣйшій Антоній, архіепископъ казанскій и свѣяжскій! Онъ скончался въ четверть перваго часа по полуночи 8-го сего ноября.

Трудно однакожь свыкнуться съ мыслию, что всѣми столь горячо и искренно любимый и столь глубокоттимый Архипастыръ уже отошелъ въ вѣчность: высоко-нравственный образъ его непрерывно носится предъ нами, и мы невольно припоминаемъ весьма рѣзко выдающіяся его черты.

Сынъ бѣднаго священника оренбургской епархіи Мѣскаго завода Гавріила Амфитеатрова, впоследствии протоіерея калужской епархіи, Высокопреосвященный Антоній родился 15-го октября 1815 года, и въ мірѣ назывался Яковомъ. Онъ принадлежитъ по своему происхожденію къ роду тѣхъ, столь извѣстныхъ въ нашей церковной администраціи и духовной литературѣ Амфитеатровыхъ, имена которыхъ неизгладимо начертаны на страницахъ исторіи нашей церкви и нашего духовнаго просвѣщенія. Это имена Филарета, бывшаго митрополита кіевскаго и галицкаго—роднаго дяди казанскаго Владыки,—и имена нѣсколькихъ профессоровъ кіевской и московской духовныхъ академій, Амфитеатровыхъ. По случаю назначенія преосвященнаго Филарета на калужскую епископскую кафедру, и родитель нашего Владыки перемѣстился изъ орен-

бургской епархіи въ калужскую; почему юный Яковъ Амфитеатровъ получилъ свое первоначальное образованіе въ калужской духовной семинаріи. Замѣчательно, что онъ, во время управленія калужской епархіи преосвященнымъ Филаретомъ и Григоріемъ, бывшими впоследствии архіепископами казанскими, при архіерейскихъ служеніяхъ нѣсколько лѣтъ исправлялъ должность *посошника*; конечно юный посошникъ тогда не воображалъ, что чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ ему придется не подавать архіерейскій посохъ, а самому носить его въ званіи преемника тѣхъ святителей по казанской епархіи. По окончаніи семинарскаго курса въ 1835 году, онъ поступилъ въ кіевскую духовную академію для высшаго образованія, и въ ней обучался наукамъ богословскимъ, философскимъ, церковной и всеобщей словесности, церковной и всеобщей исторіи, математикѣ и языкамъ греческому, латинскому, нѣмецкому и еврейскому.

По окончаніи академическаго курса, первымъ воспитанникомъ академіи, онъ, по представленію академической конференціи, Святѣйшимъ Синодомъ опредѣленъ былъ 1839 г. (27 сентября) учителемъ греческаго языка по низшему отдѣленію кіевской духовной академіи, и въ этомъ же году (31 декабря) утвержденъ въ степени магистра съ переименованіемъ въ бакалавра. Въ слѣдующемъ году (12 сентября) съ разрѣшенія Святѣйшаго Правительствующаго Синода, былъ постриженъ въ монашество, и затѣмъ вскорѣ (14—18 сентября) рукоположенъ сперва въ іеродіакона, а потомъ въ іеромонаха. По представленію академическаго правленія, Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ опредѣленъ (16 декабря) ректоромъ Кіево - Софійскихъ духовныхъ училищъ съ оставленіемъ при бакалаврской должности. По вниманію къ усердной службѣ его при академіи и училищахъ, засвидѣтельствованной Высокопреосвященнѣйшимъ Филаретомъ, митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ, по опредѣленію Святѣйшаго Синода, возведенъ въ 1841 г.

(10 іюля) въ званіе соборнаго іеромонаха Кієво-Печерской лавры. Въ томъ же году, по представленію Его Высокопреосвященства митрополита кієвскаго, опредѣленъ Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ (19 іюля) инспекторомъ кієвской духовной семинаріи и профессоромъ богословскихъ наукъ во 2-мъ ея отдѣленіи, и продолжалъ исправлять ректорскую должность въ Кієво-Софійскихъ духовныхъ училищахъ. По случаю отправления высшимъ духовнымъ училищнымъ начальствомъ ректора семинаріи для ревизіи черниговской семинаріи, исправлялъ должность ректора кієвской семинаріи (съ 3 іюля по 2 августа 1842-г.); снова исправлялъ ту же должность ректора въ 1844 году (отъ 10 іюля по 2 августа) по случаю отправления ректора семинаріи для ревизіи орловской духовной семинаріи, и въ 1845 году, по случаю выбытія означеннаго ректора, исправлялъ не только ректорскую должность, но и должность профессора богословскихъ наукъ въ обоихъ классахъ высшаго отдѣленія кієвской семинаріи (отъ 12 февраля по 12 марта), а по опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 22 сентября 1845 г. утвержденъ дѣйствительнымъ ректоромъ кієвской семинаріи и возведенъ въ санъ архимандрита съ присвоеніемъ ему лично степени настоятеля третьекласснаго монастыря, въ каковой санъ архимандрита онъ и былъ произведенъ Его Высокопреосвященствомъ 18 апрѣля 1845 года. Въ томъ же году утвержденъ членомъ кієвской духовной консисторіи и 19 сентября членомъ комитета для цензуры духовныхъ книгъ, членомъ академической конференціи и окружнаго академическаго правленія; въ 1848-мъ году (11 февраля) утвержденъ въ званіи настоятеля кієвскаго второкласснаго Николаевскаго монастыря. — Въ награду за отлично-ревностную и полезную службу по семинаріи Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену св. Анны 2-й степени (20 апрѣля 1848 г.). За сочиненіе—Догматическое богословіе православной церкви, принятое учебникомъ въ духов-

ныхъ семинаріяхъ и высшихъ учебныхъ заведенійхъ свѣтскихъ, возведенъ Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ на степень доктора богословія (22 ноября 1848 г.). Въ томъ же году, по распоряженію Св. Синода вызванъ былъ (26 ноября) въ С.-Петербургъ на чреду священнослуженія и проповѣди слова Божія. Въ этотъ же періодъ времени (въ 1849 г.) по опредѣленію Св. Синода, былъ членомъ с.-петербургской духовной консисторіи и членомъ Высочайше учрежденнаго комитета для сооруженія въ С.-Петербургѣ зданій женскаго Воскресенскаго монастыря. Тогда же, по указу Св. Синода отъ 8 іюня 1849 г. былъ командированъ въ гор. Петрозаводскъ съ особымъ порученіемъ къ архіепископу олонецкому, въ каковой командировкѣ находился съ 18 іюня по 12 августа. По окончаніи годичнаго срока очереднаго служенія, возвратился въ Кіевъ къ своимъ должностямъ 25 января 1850 года. Черезъ годъ послѣ сего указомъ Св. Синода отъ 24 января 1851 г. опредѣленъ ректоромъ кіевской духовной академіи и настоятелемъ Кіево-Братскаго Богоявленскаго монастыря. 22 марта тогоже года назначенъ главнымъ наблюдателемъ за преподаваніемъ закона Божія въ кіевскихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вслѣдствіе ревизіи академіи, за отлично-ревностное и весьма полезное прохожденіе возложенныхъ на него должностей, объявлено ему благословеніе Святѣйшаго Правительствующаго Синода (19 ноября 1851 г.). Въ слѣдующемъ году (въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ), по порученію Св. Синода обозрѣвалъ семинаріи каменецъ-подольскую и волинскую. Въ награду за отлично-ревностное и полезное прохожденіе возложенныхъ на него должностей, Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену св. Анны 2-й степ., Императорскою короною украшенному (28 апрѣля 1853 г.); а чрезъ два года, въ воздаяніе за таковое же прохожденіе должностей Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену св. Владиміра 3 степ. (16 апрѣля 1855 г.). Вслѣдствіе доклада Св.

Синода, Высочайше повелѣно ему быть епископомъ чигиринскимъ, викаріемъ кievской епархіи (1-го марта 1858 г.). Хиротонисанъ въ этотъ санъ епископами подольскимъ Евсеіемъ и лаодикійскимъ Стефаномъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ (30-го марта). Указомъ Св. Синода поручено ему управление кievскою и каменець-подольскою епархіями, изъ коихъ первую и управлялъ съ марта по 6-е ноября означеннаго года. Вслѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада г. синодальнаго Оберъ-Прокурора съ представленіемъ Государю Императору экземпляра сочиненной имъ книги: *Послѣдніе дни жизни Преосвященнаго Филарета, митрополита кievскаго*, объявлена ему Высочайшая благодарность (11-го августа 1858 г.). За принесеніе въ даръ греческимъ учебнымъ заведеніямъ сочиненія своего „Догматическое богословіе“ въ греческомъ переводѣ, Его Величествомъ греческимъ королемъ Оттономъ пожалованъ командорскими знаками ордена Спасителя, каковыя принять и возложить ему Высочайше разрѣшено 9-го мая 1859 года. — По случаю отбытія Высокопреосвященнѣйшаго митрополита кievскаго въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ, управлялъ епархіальными дѣлами по кievской епархіи съ 22 сентября 1859 по 27 января 1860 года. — Вслѣдствіе доклада Св. Правительствующаго Синода Высочайше повелѣно ему быть епископомъ смоленскимъ и дорогобужскимъ 31-го октября 1859 г. Въ назначенную ему епархію прибылъ 5-го февраля 1860 г. Въ томъ же мѣсяцѣ 19-го числа Высочайше утвержденъ вице-президентомъ Смоленскаго губернскаго тюремнаго комитета. По вниманію къ прежнимъ полезнымъ его заслугамъ на духовно-учебномъ поприщѣ и неуспыннымъ трудамъ по управленію смоленскою епархіею, Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену св. Анны 1-й степ., 31-го марта 1863 г. Вслѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада г. синодальнаго — Оберъ-Прокурора о полномъ успѣхѣ мѣръ, принятыхъ имъ къ улучшенію содержанія смолен-

ской духовной семинаріи и подвѣдомственныхъ ей духовныхъ училищъ, каковыя мѣры послужили примѣромъ для многихъ другихъ епархій, — объявлено ему за такую архипастырскую заботливость о благѣ духовно-учебныхъ заведеній ввѣренной ему епархіи Высочайшее благоволеніе Государя Императора 25 января 1866 года. Во вниманіе къ неусыпному попеченію о благоустройствѣ ввѣренной ему епархіи и истинно-отеческой заботливости о дарованіи состоящимъ въ ней духовно-учебнымъ учрежденіямъ средствъ къ улучшенію ихъ положенія, какъ матеріальнаго, такъ и учебнаго, заботливости, послужившей примѣромъ къ принятію подобныхъ благодѣтельныхъ мѣръ и по нѣкоторымъ другимъ епархіямъ, Всемиловитѣйше сопричисленъ къ Императорскому ордену св. равноапостольнаго князя Владиміра 2-й степ. большаго креста, 27 марта 1866 года.—Вслѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада Святѣйшаго Синода Высочайше повелѣно ему быть епископомъ казанскимъ и свѣяжскимъ 9-го ноября 1866 года. Прибылъ въ назначенную ему епархію 22-го декабря 1866 г. Возведенъ въ санъ архіепископа 16 апрѣля 1867 года. — На основаніи Устава общества попечительнаго о тюрьмахъ, утверждень въ званіи вице-президента казанскаго губернскаго тюремнаго комитета (10-го января 1867 г.).— За пожертвованіе имъ разныхъ книгъ въ пользу смоленской духовной семинаріи объявлена ему признательность Св. Синода (3 марта 1867 г.).—Въ выраженіе глубокаго уваженія къ ученымъ трудамъ и благотворной архипастырской его дѣятельности въ пользу духовнаго просвѣщенія, совѣтомъ кievской духовной академіи, по случаю пятидесятилѣтняго юбилея сей академіи, избранъ въ почетные члены оной академіи 1-го октября 1869 года.—Во уваженіе его содѣйствія успѣхамъ духовнаго просвѣщенія, ученыхъ трудовъ и пастырской заботливости о духовныхъ нуждахъ своего края, совѣтомъ московской духовной академіи, въ общемъ собраніи онаго, избранъ въ почет-

ные члены оной академіи 30 ноября 1871 года. Въ 1876 году (10-го октября) избранъ дѣйствительнымъ членомъ с.-петербургскаго отдѣленія славянскаго благотворительнаго комитета, переименованнаго въ послѣдствіи с.-петербургскимъ славянскимъ благотворительнымъ обществомъ.—Въ томъ же году 29 декабря избранъ въ почетные члены Императорской академіи наукъ. Во изъявленіе Монаршаго благоволенія къ долговременному отлично-усердному служенію, неутомимой ревности въ назиданіи паствы и просвѣщенной заботливости о преуспѣяніи состоящихъ подъ его управленіемъ и руководствомъ духовно-учебныхъ и миссіонерскихъ учрежденій, Всемилостивѣйше сопричисленъ къ Императорскому ордену св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, 16 апрѣля 1878 года.

Это простое перечисленіе всѣхъ служебныхъ ступеней іерархической лѣстницы, которую прошелъ въ Возѣ почившій казанскій Архипастырь, тѣхъ особенныхъ назначеній и порученій, которыя на него возлагались правительствомъ, и которыя онъ выполнялъ всегда такъ успѣшно, и тѣхъ высокихъ отличій, которыхъ удостоивала его Верховная власть, уже достаточно показываетъ, какими разнообразными, рѣдкими и возвышенными дарами природы былъ надѣленъ Высокопреосвященный Антоній и какою отличался онъ многостороннею и многоплодною дѣятельностію. Мы не станемъ здѣсь повторять изображенія какъ личнаго его прекраснаго характера, такъ и характера его ученой, административной и архипастырской дѣятельности, потому что это сдѣлано уже лицами, болѣе насъ компетентными, въ тѣхъ многочисленныхъ, глубокопрочувствованныхъ и краснорѣчивыхъ рѣчахъ, которыя были произнесены у гроба приснопамятнаго Архипастыря, и которыя вслѣдъ за симъ помѣщаются. Мы здѣсь ограничимся лишь раскрытіемъ того значенія, которое имѣла его архипастырская дѣятельность для тѣхъ епархій, которыми

онъ управлялъ, какъ самостоятельный архіерей. Известно, что онъ въ смоленской епархіи епископствовалъ около шести лѣтъ. Вотъ какъ изображаютъ его дѣянія и великія заслуги для означенной епархіи въ своихъ блестящихъ прощальныхъ рѣчахъ, произнесенныхъ къ нему бывшимъ протоіереемъ смоленскаго кафедральнаго собора, а нынѣ Преосвященнымъ епископомъ чигиринскимъ, викаріемъ кievской епархіи Іоанномъ и бывшимъ о. ректоромъ смоленской духовной семинаріи, нынѣ Высокопреосвященнымъ архіепископомъ кишиневскимъ, Павломъ. Первый говорилъ:

„Будь увѣренъ, Владыко святой, что смоленская паства не забудетъ тебя. — Нѣтъ, не забудетъ тебя Смоленскъ: ибо Ты принесъ горамъ его благословеніе святыхъ горъ кievскихъ, — храмамъ его — благословеніе Успенскаго и Софійскаго храмовъ, — жителямъ его — благословеніе святаго Владиміра равноапостольнаго, — святыхъ Варвары великомученицы, Антонія и Θεодосія печерскихъ. И какъ Ты, съ перваго же дня, возлюбилъ нашъ градъ; такъ и онъ возлюбилъ тебя любовію крѣпкою, сыновнею, святою. — Нѣтъ, Смоленскъ не забудетъ Тебя.

Не забудетъ Тебя и этотъ соборъ Богоявленскій, обязанный Тебѣ своимъ обновленіемъ. Особенно же вспомнить онъ Тебя во дни святой четыредесятиницы и пречистыхъ страстей Христовыхъ, когда Ты своимъ неустаннымъ служеніемъ въ немъ и молитвами уподоблялъ его, можно сказать, саду Геосиманскому, — также въ день Пасхи, когда Ты торжественностію священнослуженія своего сообщалъ ему красоту Іерусалимскаго храма воскресенія, и во многіе другіе праздники и дни, или лучше вспомнить Тебя во всѣ безъ исключенія воскресные и праздничные дни, въ кои Ты неотложно и со всевозможнымъ благолѣпіемъ совершалъ здѣсь святое богослуженіе.

Не забудутъ Тебя и прочіе храмы нашего града, кои всѣ Ты посѣтилъ и въ коихъ почти всѣхъ ежегодно священнодѣйствовалъ.

Не забудутъ Тебя и всѣ прочіе грады и веси, — всѣ святыя обители и даже самыя отдаленныя селенія смоленской паствы, кои всѣ Ты многократно утѣшалъ и благословлялъ, достигая до нихъ, не смотря ни на какія препятствія и трудности, — уча въ нихъ со всею ревностію преемника апостольскаго и проповѣдуя вездѣ и всѣмъ евангеліе царствія со всею любовію и благодію Христовою.

Такъ, Владыко, не забудутъ Тебя самыя пути и стези самыхъ отдаленныхъ и едва достигаемыхъ мѣстъ пространной области смоленской, по коимъ до Тебя еще никто изъ святителей не ходилъ, но кои всѣ Ты лично и неоднократно извѣдалъ и обозрѣлъ, посѣщая живущихъ тамъ чадъ своихъ, и такимъ образомъ самыя непроходимыя, строптивыя и острые пути, содѣлалъ путями гладкими и пріятными.

Не забудутъ Тебя крестьянскіе дома, въ коихъ Ты, при путешествіяхъ твоихъ, любилъ не только бывать, но и бесѣдовать съ простыми людьми, едва вѣрившими отъ радости, что они видятъ у себя своего Архипастыря. Во вѣкъ не забудутъ Тебя тѣ убогія и едва обитаемая хижины столь же убогихъ и бѣдныхъ вдовицъ и сиротъ, кои Ты на пути своемъ вездѣ посѣщаль, отвѣдывалъ въ нихъ скудную ихъ трапезу и дѣлалъ такимъ образомъ черствый хлѣбъ ихъ мягкимъ, а горькую отъ слезъ воду ихъ превращалъ въ сладкую.

Никогда не забудутъ Тебя эти меньшіе братья Христовы, встрѣчавшіе Тебя на пути, равно и присѣдашіе ежедневно въ дому Твоемъ, изъ коихъ Ты ни одного не просмотрѣлъ; эти больницы, въ кои Ты всегда и вездѣ заходилъ съ словомъ Христова утѣшенія; — эти богадѣлни, изъ коихъ Ты въ путешествіи своемъ, ни одной не пропустилъ и ни одной не оставилъ безъ своей помощи; эти мѣста узниковъ, кои Ты всегда и вездѣ удостоивалъ не только посѣщенія, но и отрадной своей бесѣды; — эти жилища нищеты, убожества и страдальчества, въ коихъ Ты

обильно проливалъ свѣтъ утѣшенія и надежды, теплоту живой любви и христіанскаго сочувствія. — Никогда онѣ Тебя не забудутъ.

Не говорю здѣсь о дѣтяхъ духовенства, — о нашихъ собственно сыновьяхъ и дщеряхъ и о тѣхъ мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, въ коихъ они воспитываются и кои всѣ обязаны Твоей отеческой о нихъ заботѣ и Твоей материнской къ нимъ любви своимъ возвышеніемъ, облагороженіемъ и возможнымъ обезпеченіемъ даже въ матеріальномъ отношеніи. Господь видитъ, что сіи счастливыя училища и воспитывающіеся въ нихъ сыновья и дщери наши, равно какъ и начальники, и наставники ихъ, а тѣмъ болѣе отцы и матери ихъ уже никогда не забудутъ и не могутъ забыть Тебя. Но я говорю не о нихъ.

Нѣтъ не забудутъ Тебя и дѣти простолюдиновъ, живущіе въ самыхъ отдаленныхъ и глухихъ мѣстахъ Твоей духовной паствы, — эти крестьянскіе дѣти, коихъ Ты, наконецъ, своею доступностію, любовію, до того привлекъ и расположилъ къ себѣ, что они, при каждомъ появленіи Твоемъ на мѣстѣ ихъ жительства, уже не только не скрывались отъ Тебя, какъ бывало иногда сначала, но еще всегда предупреждали Тебя, вездѣ преслѣдовали путь Твой, гнались за тобою и горько плакали, когда почему-либо не успѣвали видѣть Тебя, или прочитать Тебѣ своихъ молитвъ и за то получить изъ рукъ Твоихъ крестикъ или молитвенникъ. — Нужно ли говорить, что этого никогда не забудутъ отцы ихъ и матери, что благодарная память перейдетъ объ этомъ въ ихъ потомство — въ роды родовъ?

Такъ, Отецъ нашъ, никто, никто не забудетъ Тебя въ Твоей смоленской паствѣ. — Хотя и не долго Ты пребывалъ съ нами; но всегдашнюю, признательную и священную оставилъ по себѣ память. — Только семь лѣтъ, и то не полныхъ, послужилъ Ты среди насъ. Семь или шесть этихъ лѣтъ, дѣйствительно, показались намъ не болѣе, какъ семью или шестью

днями. Но это были дни Твоего здѣсь творенія,—это было время обновленія, возвышенія, преобразованія нашего. Ты непрестанно и неусыпно дѣлалъ и созидалъ все доброе для насъ и полезное,—и все это въ духѣ полнѣйшей любви и кротости. И мы всѣ, наконецъ, до того привыкли къ этому небесному образу Твоей кротости, что уже перестали и бояться Тебя. Мы достигли, или правильнѣе, Ты своею ангелоподобною и хриstopодобною любовію къ намъ и кротостію достигъ и довелъ насъ до того, что мы дѣйствительно уже не боялись, а только любили Тебя.

Вотъ почему не только никогда не забудутъ Тебя смоленскія чада Твои, но еще всегда и благословлять Тебя въ сердцахъ своихъ будутъ“.

А бывший о. ректоръ смоленской семинаріи—нынѣшній архіепископъ кишиневскій въ своей прощальной рѣчи ко Владыкѣ, между прочимъ, сказалъ слѣдующее: „Разлука съ Тобою съ особенною силою будитъ въ душахъ нашихъ благодарныя воспоминанія о Твоихъ благодѣянїяхъ семинаріи и ея наставникамъ и побуждаетъ насъ высказать предъ Тобою чувства благодарности, наполняющія сердца наши.

Трудно установить отношенія между Архипастыремъ и подчиненными ему наставниками будущихъ пастырей лучшія установленныхъ Тобою отношеній къ начальникамъ и наставникамъ нашей семинаріи. Изъ этихъ отношеній Тобою устранено все, что въ нихъ бываетъ иногда тяжелого, стѣсняющаго и отдаляющаго подчиненныхъ отъ начальника; оставлено въ нихъ все, что дѣлаетъ власть благотворною, живительною силою, что помогаетъ ей ободрять и возвышать духъ подчиненныхъ и побуждаетъ ихъ любить ее, какъ свою опору и защиту.

Возможно двоякимъ образомъ побуждать своихъ подчиненныхъ къ точному и неуклонному исполненію своего долга: строгою взыскательностію и долготерпѣливою снисходительностію. Въ отношеніи къ намъ избранъ Тобою, Архипастырь нашъ, и лучшій и дѣй-

ствительнѣйшей,—въ отношеніи къ людямъ мыслящимъ и понимающимъ и свой долгъ. и свое человѣческое достоинство,—способъ побуждать къ трудолюбію, исправности и добросовѣстности служебной. Ты старался всемѣрно щадить, уважать и возвышать въ насъ чувство человѣческаго достоинства, съ кротостію, любовію, долготерпѣніемъ поднимать на рамена свои наши немощи, поощрять, поддерживать наши добрыя начинанія, стремленія, труды. Во все время начальствованія Твоего, мы не слышали отъ Тебя суроваго слова, не видали недовольнаго взгляда, хотя не всегда же исправность наша была выше всякаго упрека: но хорошо извѣстны намъ и Твоя отеческая скорбь, при видѣ нашихъ немощей и недостатковъ и Твоя сердечная радость при видѣ трудовъ и успѣховъ нашихъ.... И если въ чемъ-либо добромъ замѣчалъ Ты у насъ преспѣваніе; то мы обязаны имъ именно духу твоей любви, кротости и снисходительности, который сильнѣе всѣхъ внушеній напоминалъ намъ о долгѣ быть достойными того вниманія и благоснисхожденія, которыхъ Ты удостоивалъ насъ, и стараться утѣшать, а не огорчать Тебя своею дѣятельностію.... Отъ души благодаримъ Тебя за эти добрыя и благоплодныя отношенія Твои къ намъ.

На власть взирають съ любовію и довѣріемъ уже и тогда, когда она человѣчна, привѣтлива, снисходительна. Но она совершенно покоряетъ себѣ сердца подчиненныхъ и привлекаетъ къ себѣ любящіе взоры и людей постороннихъ, когда съ сочувствіемъ взираетъ на нужды своихъ подчиненныхъ, входитъ участливо въ ихъ положеніе и принимаетъ мѣры къ его улучшенію. На Твою долю, незабвенный Архипастырь нашъ, въ воздаяніе, конечно, за любовь твою къ людямъ, выпалъ и славный счастливый жребій—положить начало улучшенія быта подчиненныхъ Твоихъ не на словахъ только и въ проэктахъ, а на самомъ дѣлѣ. Какъ надъ безпомощнымъ страдальцемъ,—надъ сословіемъ духовно-училищныхъ наставниковъ—оста-

навливались многіе то съ безплоднымъ разглагольствованіемъ о его нуждахъ и средствахъ помочь ему, то съ искреннимъ, но необращавшимся въ дѣло словомъ участія, то даже со словомъ уязвляющимъ и уничтожающимъ: не легко было отъ этихъ разглагольствій тѣмъ, кому нужны были не слова, а дѣло. Ты первый, Архипастырѣ нашъ, изыскалъ средства помочь бѣдствующимъ дѣйствительныя. И дѣло любви Твоей принесло плодъ не для насъ только,—дѣлателей въ виноградникѣ Твоемъ: многія братья наши по служенію дѣлу воспитанія духовнаго юношества и ближніе и дальніе теперь наслаждаются плодами трудовъ своихъ архипастырѣй, послѣдовавшихъ примѣру Твоему. Благословляютъ они всѣ имя Твое. Сугубо и благословляемъ и благодаримъ Тебя мы, прежде всѣхъ вкусившіе плоды Твоихъ архипастырскихъ попеченій о духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Наилучшія благородныя воспоминанія о благопопечительности своей оставляешь Ты въ сердцахъ нашихъ.

Трудна всегда служба наставническая въ семинаріи. Много усилій долженъ употребить наставникъ для того, чтобы овладѣть своимъ предметомъ и съ надлежащею основательностію и доступностію передать его своимъ воспитанникамъ. Но трудность служенія наставническаго много возрастаетъ отъ встречающейся весьма и весьма нерѣдко неразвитости питомцевъ вслѣдствіе неудовлетворительной подготовки ихъ къ ученію домашней и училищной. Часто всѣ усилія наставника сдѣлать предметъ свой доступнымъ для всѣхъ не увѣнчиваются успѣхомъ и только часть питомцевъ усвоитъ его основательно. И на эту трудность служенія наставническаго Ты обратилъ серьезное вниманіе. Обращенныя Тобою къ родителямъ настоятельныя требованія употребить всѣ усилія къ надлежащему приготовленію дѣтей къ училищу и совершенное Тобою преобразование учебной части въ семинаріи и въ училищахъ по началамъ классическаго образованія не преминуть, конечно, въ не очень

отдаленномъ будущемъ принести свои плоды,—послужить къ большому развитію питомцевъ и съ тѣмъ вмѣстѣ облегчить для наставниковъ успѣшное преподаваніе своихъ предметовъ своимъ слушателямъ. Благодаримъ Тебя, Архипастырь нашъ, и за это стараніе облегчить трудъ наставнической и за ожидаемые добрые плоды совершеннаго Тобою преобразования учебной части въ нашихъ заведеніяхъ”.

Въ своей отвѣтной рѣчи на прощальное слово бывшего о. ректора смоленской духовной семинаріи, Владыка самъ чрезвычайно мѣтко и вмѣстѣ вѣрно обрисовалъ характеръ своего управленія смоленской епархіи слѣдующими словами: „Что касается до характера моихъ отношеній къ начальникамъ и наставникамъ семинаріи; то мое правило — начальствовать и управлять такъ, чтобы не давать и чувствовать своего начальствованія, чтобы начальства какъ бы и не было. И это тѣмъ легче мнѣ было дѣлать, что я видѣлъ и въ начальникахъ и въ наставникахъ семинаріи столько усердія и благоразумія, что могъ безъ опасенія предоставлять имъ самостоятельную дѣятельность, оставляя за собою только бдительный надзоръ и въ нужныхъ случаяхъ руководство“ (1).

Въ этомъ главномъ принципѣ его административной дѣятельности, которому онъ неуклонно всегда слѣдовалъ, и заключается тайна той плѣнительной манеры обхожденія съ подчиненными, какою отличался Высокопреосвященнѣйшій Антоній. Что касается до казанской епархіи, то можно смѣло утверждать, что послѣ святителя Гурія, который основалъ казанскую епархію, ни одинъ изъ слѣдующихъ за этимъ первосвятителемъ іерарховъ казанскихъ не сдѣлалъ для этой епархіи столько добра и столько самыхъ разнообразныхъ и многочисленныхъ услугъ, сколько сдѣлалъ Высокопреосвященный Антоній. Съ пріѣздомъ въ Казань новаго Владыки по всей епархіи повѣяло новымъ, освѣжающимъ духомъ. Первою за-

(1) Смоленскія епарх. вѣд. за 1866 годъ, № 24, стр. 426—443.

ботою его, по вступленіи на казанскую кафедру, было ознакомиться со всіми ея вопіющими нуждами, и затѣмъ принять соотвѣтствующія мѣры къ ихъ возможному удовлетворенію. А такъ какъ въ годъ вступленія на эту кафедру Его Высокопреосвященства какъ мѣстное начальство, такъ и высшее духовное правительство, всего болѣе озабочено было фактами вѣроотступничества крещеныхъ татаръ въ здѣшнемъ краѣ, отпадавшихъ отъ церкви цѣлыми деревнями, цѣлыми тысячами: то новопривышій Архипастырь со всею энергіею принялся за устройство миссіонерскаго дѣла въ здѣшнемъ краѣ. Вслѣдствіе этого онъ всіми зависящими отъ него мѣрами настаивалъ на усиленіи преподаванія миссіонерскихъ наукъ въ здѣшнихъ духовныхъ академіи и семинаріи, покровительствовалъ благосостоянію и развитію казанской крещено-татарской центральной школы, учрежденной бывшимъ профессоромъ, а нынѣ директоромъ казанской инородческой учительской семинаріи Н. И. Ильминскимъ; всячески содѣйствовалъ изученію приходскими священниками инородческихъ языковъ, особенно татарскаго языка, и съ этою цѣлію для поощренія ревностныхъ въ этомъ дѣлѣ священниковъ исходатайствовалъ у Святѣйшаго Правительствующаго Синода значительныя добавочныя къ ихъ казенному жалованью оклады; и наконецъ всячески содѣйствовалъ учрежденію при здѣшнемъ кафедральномъ соборѣ и успѣхамъ братства Св. Гурія, которое имѣетъ главною задачею просвѣщеніе инородцевъ и вразумленіе заблуждающихъ. Ежегодныя отчеты этого братства свидѣтельствуютъ, какое множество приходскихъ школъ открыто и содержится имъ въ инородческихъ приходахъ. какое множество книгъ вѣроучительныхъ, богослужебныхъ и учебныхъ на инородческихъ языкахъ издано имъ на свои средства, и на тѣ вспомогательныя средства, которыя даются ему ежегодно православнымъ миссіонерскимъ обществомъ. Всѣ эти труды Владыка поощрялъ всіми зависящими отъ него способами, а нѣ-

которые даже издавалъ на свой счетъ (напр. „Письма о магометанствѣ“ Муравьева). И открытый тѣмъ же братствомъ при Спасскомъ монастырѣ миссіонерскій пріютъ съ спеціальною цѣлію для приготовления молодыхъ людей — большею частію изъ воспитанниковъ семинарій—къ миссіонерской дѣятельности, обращалъ на себя постоянное архипастырское вниманіе. Неоднократно онъ присутствовалъ даже на лекціяхъ, читанныхъ въ пріютѣ, и на собесѣдованіяхъ, тамъ происходившихъ. И пріютъ этотъ, по недавнему его существованію, конечно не успѣлъ еще сдѣлаться разсадникомъ миссіонеровъ, но онъ непременно сдѣлается таковымъ разсадникомъ. Изъ школъ инородческихъ уже вышло множество ревностныхъ дѣятелей по образованію народному въ здѣшнемъ краѣ, и даже есть нѣсколько священниковъ, діаконовъ и причетниковъ изъ природныхъ татаръ, черемисъ и чувашъ, которые, будучи опредѣлены въ приходы, населенные ихъ единоплеменниками, сдѣлались для нихъ естественными миссіонерами. Вообще видимыми плодами неослабныхъ усилій казанскаго Архипастыря было то, что отпаденія крещеныхъ татаръ массами въ здѣшнемъ краѣ прекратились. Возникаютъ случаи вѣроотступничества лишь изрѣдка—единичные, которые въ области религіи, составляющей область свободы совѣсти и мысли,—всегда неизбѣжны.

Съ тою же просвѣтительною цѣлію для инородцевъ Высокопреосвященный Антоній устроилъ съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода и соизволенія Высочайшей Власти, два монастыря и третью женскую общину, имѣющую тоже монастырскій уставъ, и наконецъ достроилъ еще прежде него основанный и начатый постройкою въ видахъ спасительнаго дѣйствованія на мѣстныхъ раскольниковъ въ г. Чистополѣ женскій Успенскій общежительный монастырь. Какъ много всѣ эти монастыри съ общиною обязаны въ Божіе почившему Архипастырю, можно видѣть изъ того одного обстоятельства, что безъ него они не

устроились бы вовсе... Такъ черемисскій Михаило-Архангельскій монастырь хотя издавна былъ любимою мечтою нѣсколькихъ грамотныхъ и начитанныхъ отшельниковъ изъ коздемьянскихъ черемисъ, но имъ въ ходатайствѣ ихъ объ устройствѣ монастыря было первоначально отказано за невозможностию будто бы уступить имъ подъ монастырь казенную лѣсную съ корабельнымъ лѣсомъ дачу. Но благодаря возобновленнымъ усиленнымъ просьбамъ главныхъ учредителей черемисскаго монастыря о разрѣшеніи имъ устроить св. обитель для отшельниковъ черемисъ, и благодаря энергическому ходатайству предъ Святѣйшимъ Синодомъ казанскаго Владыки, который самъ, какъ истинный монахъ и подвижникъ, глубоко и искренно любилъ иноческую жизнь, устройство черемисскаго Михаило-Архангельскаго монастыря не только было разрѣшено Святѣйшимъ Синодомъ, но онъ съ избыткомъ надѣленъ и лѣсною прекрасною дачею—до 150 десятинъ, и богатыми рыбными ловлями по рѣкѣ Волгѣ на протяженіи 21 версты, такъ что монастырь этотъ съ своимъ черемисскимъ училищемъ считается теперь однимъ изъ самыхъ благоустроенныхъ.—Также и чистопольскій женскій монастырь хотя разрѣшенъ былъ къ устройству еще при Высокопреосвященномъ Аѳанасіѣ и даже зданія его вчернѣ уже большею частію возведены были, когда Высокопреосвященный Антоній впервые посѣтилъ г. Чистополь, именно въ іюнѣ 1867 года, но чрезъ нѣсколько лѣтъ основатель онаго монастыря, потомственный почетный гражданинъ Иванъ Дмитріевъ Поляковъ померъ и дѣло устройства монастыря совершенно остановилось; ибо наслѣдникъ Полякова обнаружилъ полнѣйшую холодность къ этому дѣлу. Сколько ни старался Владыка, и письменно, и личными убѣжденіями, возбудить въ наслѣдникахъ потомств. поч. гражданина Полякова сочувствіе къ довершенію столь святаго дѣла, какъ устройство монастыря съ училищемъ, въ немъ предположеннымъ: но убѣжденія

Владыки были почти безуспѣшны; онѣ достигъ только того, что отъ помянутаго наследника былъ переданъ епархіальному начальству капиталъ въ 23.000 рублей, оставленный г. Поляковымъ на содержаніе чистопольскаго монастыря, и еще нѣкоторые акты на недвижимости, обѣщанныя въ пользу монастыря учредителемъ его, тѣмъ же Поляковымъ. Но требовалось сдѣлать еще очень многое для монастыря: отдѣлать окончательно и приготовить къ освященію храмъ монастырскій, снабдить его приличною утварью, приготовить къ освященію, устроить дома для членовъ причта монастырскаго. На все это требовалось до 15.000 рублей. Гдѣ ихъ было взять? И вотъ въ подобныя критическія минуты Провидѣніе всегда посылало Владыкъ благотворителей. Его Высокопреосвященство вошелъ въ переписку съ однимъ благотворителемъ здѣшняго и вятскаго края, пожелавшимъ остаться въ неизвѣстности. Плодомъ этой переписки было то, что въ одно достопамятное утро (11-го сентября 1878 г.) является ко Владыкѣ благочестивый старецъ и передаетъ ему въ полное распоряженіе капиталъ въ 60,000 рублей, всё облигаціями 2-го восточнаго займа, и только выразилъ одно желаніе, чтобы не менѣе 40.000 рублей отдѣлено было на Чистопольскій женскій монастырь. Столь необычайная и безпримѣрная жертва дала Его Высокопреосвященству полную возможность не только докончить устройство Чистопольскаго женскаго монастыря, но и совершенно обезпечить существованіе его въ будущемъ. — Равнымъ образомъ и устройство Цивильскаго Тихвинскаго женскаго монастыря и учрежденіе Козмодемьянской женской общины, завершены и достигли цвѣтущаго состоянія, благодаря главнымъ образомъ добрымъ отношеніямъ Владыки къ двумъ лицамъ—къ здѣшнему купцу Василью Никитичу Никитину, не пожалѣвшему на преобразование разваливавшагося прежняго Цивильскаго мужскаго монастыря въ женскій цѣлыхъ десятковъ тысячъ рублей

и нынѣ пожелавшему устроить тамъ на свой счетъ даже новый храмъ, и также къ козмодемьянскому купцу Ивану Матвѣевичу Зубкову, который на устройство черемисской общины пожертвовалъ болѣе тридцати тысячъ рублей, и снабдилъ общину нѣсколькими прекрасными корпусами, составляющими украшеніе цѣлаго города. Такъ Владыка всегда умѣлъ привлечь къ себѣ сердца благотворителей, которые и несли къ нему свои жертвы съ полною охотою и съ безграничнымъ довѣріемъ. Самый первый въ епархіи храмъ—каѳедральный соборъ—давно требовалъ всесторонняго обновленія; но дѣло это все откладывалось. Но такой неуспѣшный устроитель своей епархіи не могъ далѣе откладывать этого дѣла, и онъ изыскалъ для этого достаточныя средства, болѣе 30.000 рублей, и обновилъ какъ извнутри, такъ и извнѣ свой каѳедральный соборъ такъ великолѣпно, какъ до него онъ никогда не былъ обновляемъ, такъ что Высочайшія Особы, соизволившія въ разное время посѣтить здѣшній соборъ, и самъ Государь Императоръ, удостоившій городъ Казань и здѣшній соборъ своимъ посѣщеніемъ въ семидесятыхъ годахъ, изъявляли лично казанскому Владыкѣ свое благоволеніе за цѣлесообразное обновленіе соборнаго храма.

Для извѣстнаго рода дѣятельности онъ умѣлъ находить и людей способныхъ и энергическихъ, отыскивая ихъ повсюду: и въ академіи, и даже въ средѣ мѣшанской, и наконецъ за границей, на примѣръ, на св. горѣ Аѳонской. Такъ для спасительнаго дѣйствованія на раскольниковъ онъ пригласилъ и всеми мѣрами умѣлъ поощрить профессора здѣшней академіи Н. И. Иванова, котораго собесѣдованія съ раскольниками въ Казани, Чистополѣ и другихъ мѣстахъ въ продолженіе многихъ лѣтъ были такъ многоплодны, что они составили эпоху въ исторіи миссіонерства въ отношеніи къ мѣстнымъ раскольникамъ. Для той же цѣли Владыка позаботился приготовить одного начѣтчика изъ мѣщанъ, Павла Аѳанасьевича Сергина, который,

будучи принять въ духовное званіе и прошедши іерархическія степени—сперва псаломщика, потомъ діакона и наконецъ священника, сдѣлался, находясь подъ руководствомъ профессора Ивановскаго, самымъ ревностнымъ противораскольническимъ миссіонеромъ въ казанской епархіи и образцовымъ собесѣдникомъ съ раскольниками. Наконецъ Владыка даже изъ среды раскольниковъ привлечь къ дѣлу православія такихъ ревностныхъ дѣятелей на пользу церкви, каковы о. Пафнугій, который изъ приверженцевъ раскольнической секты, укоренившейся было въ предѣлахъ Пруссіи подъ начальствомъ извѣстнаго Павла Прусскаго,—сдѣлался преданнѣйшимъ сыномъ православной церкви и даже ея священнослужителемъ, такъ много помогавшимъ Его Высокопреосвященству при вразумленіяхъ здѣшнихъ казанскихъ сектантовъ. Затѣмъ выписанный Владыкою съ Аѳонской горы монахъ Михаилъ, бывший раскольникъ изъ мѣщанъ тверской губерніи, оказался проникнутымъ такою глубокою вѣрою въ истину православія, и такою ревностію къ проповѣданію, что Владыка не поколебался рукоположить его въ іеромонаха и назначить его миссіонеромъ для дѣйствованія на раскольниковъ нѣсколькихъ уѣздовъ—преимущественно же свіяжскаго и тетюшскаго, каковымъ о. Михаилъ и оставался здѣсь съ величайшею пользою для дѣла церкви, пока не былъ назначенъ Святѣйшимъ Синодомъ въ настоятеля Селенгинскаго монастыря и въ начальника алтайской противораскольнической миссіи.

Съ тою же неослабною энергіей, съ которою Высокопреосвященнѣйшій Антоній велъ дѣло миссіонерства въ епархіи и совпадавшее съ нимъ дѣло устройства монастырей среди инородческаго населенія здѣшняго края, онъ, немедленно по вступленіи на казанскую кафедру, принялся и за внутреннее устройство самаго управленія епархіи и за улучшеніе состоянія духовенства. Онъ обновилъ личный составъ присутствія консисторіи, замѣнивъ преж-

нихъ членовъ новыми съ задаткомъ свѣжихъ силъ и наибольшей энергіи. Затѣмъ онъ ввелъ совершенно новый порядокъ опредѣленія благочинныхъ къ должностямъ, именно установилъ правила для выбора благочинныхъ самимъ духовенствомъ, гораздо ближе знакомымъ съ избираемыми, чѣмъ епархіальное начальство. Со введеніемъ выборнаго начала въ благочинническую институтъ, Владыка естественно долженъ былъ прийти къ мысли и объ учрежденіи такъ называемыхъ благочинническихъ совѣтовъ—этихъ зародышей мѣтнаго самоуправления въ средѣ духовенства. Чтобы имѣть постоянную живую связь между духовенствомъ и органами управления, чтобы содѣйствовать духовному общенію между пастырями и ихъ начальствомъ, и дать имъ самостоятельный органъ для взаимнаго обмѣна мыслей, свѣдѣній, предположеній и нуждъ духовныхъ, Владыка въ первый же годъ своего управленія казанской епархіей исходатайствовалъ у Святѣйш. Правительствующаго Синода разрѣшеніе на изданіе при здѣшней Академіи „Извѣстій по казанской епархіи.“ Въ то же время онъ употреблялъ все мѣры къ тому, чтобы повсюду въ приходахъ казанской епархіи вводились церковно—приходскія попечительства, долженствующія, по самой идеѣ ихъ учрежденія, приносить огромную пользу какъ дѣлу благоустройства приходскихъ церквей, такъ и дѣлу распространенія приходскихъ народныхъ школъ и призрѣнія бѣдныхъ, и наконецъ дѣлу улучшенія быта самого духовенства. И попечительства эти въ настоящее время имѣются уже при большей части церквей казанской епархіи. Но учреждая повсюду, гдѣ только было возможно, приходскія попечительства, неутомимый Архипастырь казанскій этимъ самымъ вовсе не хотѣлъ сваливать съ себя бремени заботъ о рѣшеніи вопроса столь громадной важности, каковъ вопросъ объ улучшеніи быта духовенства. По званію предсѣдателя въ мѣтномъ губернскомъ присутствіи по обезпеченію православнаго духовенства, онъ ста-

рался разрѣшить означенный вопросъ въ предѣлахъ возможности, сообразуясь съ мѣстными дѣйствительными средствами. Для этой цѣли онъ изучилъ экономическое положеніе здѣшняго духовенства, и каждаго причта въ особенности, не по бумагамъ только, не по клировымъ лишь вѣдомостямъ, которыя впрочемъ онъ ежегодно просматривалъ самымъ тщательнымъ образомъ, но въ самой дѣйствительности — по своимъ личнымъ наблюденіямъ. Ежегодно онъ предпринималъ поѣздки для обозрѣнія той или другой части епархіи, и при этихъ обозрѣніяхъ иногда даже *тѣшкомъ* проходя немалыя разстоянія отъ одного прихода до другаго, по причинѣ крайней естественной затруднительности въ переѣздахъ отъ одной мѣстности къ другой на лошадахъ, онъ не упустилъ изъ виду ни малѣйшей подробности, обусловливающей извѣстное положеніе членовъ причта въ приходѣ; проникалъ даже въ такія мѣстности (особенно въ царвококшайскихъ лѣсахъ и въ чистопольскихъ дѣбряхъ), куда до него не проникалъ ни одинъ изъ іерарховъ, его предмѣстниковъ. Вооруженный подобнымъ опытнымъ знаніемъ каждаго прихода своей епархіи, онъ и представилъ новое росписаніе приходовъ и церквей казанской епархіи гъ Высочайше учрежденное главное присутствіе по дѣламъ православнаго духовенства, которымъ означенное росписаніе и было утверждено, а Владыкою въ 1876 году введено по епархіи. Конечно это росписаніе не есть панацея, которая бы устраняла всѣ нужды и недостатки духовенства и надѣляла бы его всевозможными благами: но оно весьма важно уже въ томъ одномъ отношеніи, что полагаетъ легальную основу для возможныхъ будущихъ улучшеній; оно дастъ въ руки гораздо меньшаго числа наличныхъ членовъ духовенства (при нормальномъ штатѣ каждой церкви, по коему полагается лишь одинъ настоятель и одинъ псаломщикъ) всѣ дѣйствительностию указуемыя матеріальныя средства каждаго прихода, которыя прежде введенія новаго роспи-

санія распредѣлялись между наибольшимъ личнымъ составомъ причтовъ, и потому всегда казались недостаточными. Самымъ постояннымъ и горячимъ желаніемъ Владыки было, чтобы каждый причтъ непременно былъ надѣленъ узаконенною пропорціею земли и извѣстнымъ количествомъ руги, гдѣ она установлена, чтобы всѣ сборы съ прихожанъ натурою за совершеніе извѣстныхъ необязательныхъ требъ были капитализированы по взаимному соглашенію прихожанъ съ священно-церковнослужителями, каковое соглашеніе и должно быть облечено въ форму законныхъ актовъ,—чтобы при каждой церкви были церковные дома, для чего многократно было рекомендовано духовенству собственные дома обращать въ церковные чрезъ выкупъ ихъ, или на счетъ суммъ, собираемыхъ отъ прихожанъ, или же съ воспособленіемъ отъ церквей. — И въ настоящее время въ большей части приходоѡ чаще встрѣчаются дома церковные, чѣмъ собственные, принадлежащіе причтамъ. Не чуждался Владыка и столь плодотворной мысли объ учрежденіи эмеритальной кассы для духовенства казанской епархіи; но онъ желалъ, чтобы эта мысль объ эмеритурѣ не была насильно навязана духовенству; напротивъ онъ старался, чтобы ее приняли всѣ добровольно, и чтобы въ основу проектируемой кассы былъ положенъ значительный капиталъ, собранный или по подпискѣ, или же пожертвованный какимъ-либо благотворителемъ. Но какъ этого пока не могли достигнуть, то и учрежденіе кассы отсрочено на неопредѣленное время.—Послѣднею мечтою, которую лелѣяло любвеобильное сердце Владыки, было учрежденіе при здѣшнемъ Богородицкомъ женскомъ монастырѣ епархіальной богадѣльни, чтобы въ ней могли имѣть пріютъ бѣдныя вдовы и безпріютныя сироты женскаго пола. Мысль объ этой богадѣльнѣ возникла по случаю недавняго празднованія трехсотлѣтняго юбилея отъ обрѣтенія въ г. Казани иконы Божіей Матери, именуемой Казанскою. Хотя эта прекрасная мысль и

далека еще отъ своего осуществленія: но благо и то, что дѣлу этому положено Владыкою прочное основаніе. Жажда всевозможныхъ улучшеній у благостнѣйшаго Владыки была столь велика, что онъ озаботился улучшить, и дѣйствительно улучшилъ, положеніе даже такихъ служащихъ по духовному вѣдомству лицъ, надъ которыми современная либеральная печать только считаетъ своею задачею кстати и некстати глумиться; мы говоримъ о чиновникахъ и канцелярскихъ служителяхъ консисторіи. Владыка взглянулъ на ихъ достойное сожалѣнія положеніе съ истинно-отеческой точки зрѣнія. Онъ полагалъ, что такъ какъ этотъ служащій людъ весьма нуженъ при управленіи епархіею: то положеніе его должно быть обезпечено. Для сего Владыка воспользовался бывшими еще въ 1815 году въ распоряженіи епархіальнаго начальства остаточными экономическими суммами, всего около 17 тысячъ рублей, и исходатайствовалъ у Святѣйшаго Правительствующаго Синода разрѣшеніе на устройство новаго каменнаго дома для помѣщенія въ немъ всѣхъ чиновниковъ и канцелярскихъ служителей консисторіи. И вотъ теперь, благодаря отеческой заботливости Владыки объ участи меньшихъ братій, чиновники и писцы консисторіи имѣютъ весьма удобныя казенныя квартиры, подлѣ самаго консисторскаго корпуса.

При этомъ мы не можемъ не припомнить, съ какимъ искреннимъ и глубокимъ сочувствіемъ Владыка относился ко всѣмъ учрежденіямъ мѣстнаго благотворительнаго о бѣдныхъ комитета вѣдомства Императорскаго человѣколюбиваго общества, и учрежденіямъ Общества краснаго креста. Извѣстно, на примѣръ, что онъ кромѣ ежегодныхъ денежныхъ жертвъ на пользу учрежденій благотворительнаго комитета, лично посѣщалъ такъ называемую дешевую столовую, гдѣ бѣдные люди могутъ имѣть стаканъ чаю за 1 копѣйку, и за 7 копѣекъ сытный обѣдъ изъ двухъ блюдъ. Владыка не только благословлялъ членовъ означеннаго

комитета на всякое доброе дѣло, но всѣми зависящими отъ него мѣрами содѣйствовалъ успѣху самаго дѣла. Неоднократно также Владыка посѣщалъ больницы, здѣсь устроенныя для больныхъ и раненныхъ воиновъ, бесѣдовалъ съ этими страдальцами, утѣшалъ и ободрялъ ихъ, и помогалъ имъ словомъ и дѣломъ.

Но съ особенною нѣжностію и неослабнымъ вниманіемъ Владыка относился къ улучшенію положенія духовно-учебныхъ заведеній. Надобно было видѣть въ средѣ юныхъ воспитанниковъ или воспитаницъ здѣшнихъ учебныхъ заведеній маститаго архипастыря, чтобы оцѣнить всю силу безграничнаго благорасположенія, которымъ онъ былъ проникнутъ къ этимъ разсадникамъ будущихъ служителей церкви и ихъ спутницъ въ пастырской жизни. На всякое улучшение, какое предполагалось для этихъ заведеній, онъ тотчасъ отзывался съ самымъ сердечнымъ участіемъ и не переставалъ стремиться къ этимъ улучшениямъ до толѣ, пока самая цѣль не была достигнута. И прежде всего онъ обратилъ самое заботливое вниманіе на помѣщеніе здѣшной Семинаріи. По странному стеченію обстоятельствъ, здѣшній обширный и обновленный семинарскій корпусъ, — этотъ храмъ духовнаго просвѣщенія, обращенъ былъ весь въ торговля заведенія, а семинарія помѣщалась въ училищномъ зданіи, уже обветшаломъ и крайне неудобномъ; а училище помѣщалось въ наемномъ домѣ, въ мѣстности очень неблагопріятной для здоровья воспитанниковъ. Владыка не могъ этого долѣе терпѣть. Онъ возвратилъ семинаріи семинарскія зданія, занимающія, какъ извѣстно, самое лучшее и видное мѣсто въ городѣ, а зданія училищныя возвратилъ духовному училищу, разумѣется, послѣ производства капитальныхъ и всестороннихъ въ нихъ исправленій и разныхъ приспособленій. Къ довершенію всего напелъ онъ благодетеля, казанскаго купца Павла Васильевича Щетинкина, который на свой счетъ устроилъ въ обновленныхъ училищныхъ зданіяхъ домовую училищную цер-

ковъ, весьма помѣстительную и красивую. Теперь воспитанники и наставники не нарадуются довольно, имѣя свою церковь въ своемъ училищѣ. Равнымъ образомъ и въ училищѣ дѣвицъ духовнаго вѣдомства, которое при Владыкѣ значительно распространено, благодаря увѣщаніямъ Его Высокопреосвященства, выстроена здѣшнимъ купцомъ Дм. Ал. Черкасовымъ хотя и не большая, но весьма красивая, домовая церковь, къ несказанной радости воспитанницъ и начальницы училища. Владыка озаботился также увеличеніемъ числа учащихся въ этомъ заведеніи, и для сего исходатайствовалъ у Святѣйшаго Синода разрѣшеніе на учрежденіе нѣсколькихъ стипендій, изъ коихъ двѣ даже имени Его Высокопреосвященства. Что же касается до наставниковъ семинаріи, то имъ исходатайствовалъ въ настоящемъ году значительное квартирное пособіе.

Академію казанскую любилъ Владыка горячо; ея радости были его радостями, ея скорби были его скорбями. Во всѣхъ рѣчахъ, которыя произносилъ онъ въ Академіи во дни ея праздниковъ, онъ неоднократно повторялъ передъ цѣлою корпораціей академическихъ наставниковъ и передъ цѣлыми собраніями и другихъ любителей духовнаго просвѣщенія, что онъ любитъ Академію, и что ничего такъ не желаетъ какъ ея процвѣтанія, а въ особенности процвѣтанія въ ней высшаго собственно богословскаго образованія.

Въ признательной къ памяти Высокопреосвященнѣйшаго Антонія паствѣ уже слышны многіе голоса, требующіе сооруженія памятника надъ могилою въ Бозѣ-почившаго архипастыря: но незабвенный Архипастырь самъ уже воздвигъ себѣ памятникъ нерукотворный, нетлѣнный, вѣчный. Это Православно-Догматическое его Богословіе и цѣлые три тома прекрасныхъ образцовыхъ его проповѣдей и рѣчей, изъ коихъ первый томъ обнимаетъ его слова и рѣчи, сказанныя въ кіевской енархіи, другой — сказанныя въ

смоленской епархіи, и третій — сказанныя въ казанской епархіи. Последнія, большею частію отпечатанныя въ Православномъ Собесѣдникѣ, приготовлены уже къ отдѣльному новому изданію. Сочиненія эти ясно свидѣтельствуютъ, съ какимъ глубокимъ благоговѣніемъ казанскій Владыка училъ всѣхъ Богооткровенной истинѣ, и съ какимъ несокрушимымъ авторитетомъ и сердечнымъ убѣжденіемъ онъ всегда проповѣдывалъ эту истину.

Погрѣбеціе въ Бозѣ почившаго казанскаго Архипастыря совершенно въ казанскомъ кафедральномъ Благовѣщенскомъ соборѣ въ 12-й день ноября. Но обряду этому предшествовалъ другой обрядъ—выноса тѣла его изъ архіерейскаго дома въ соборъ. Онъ совершенъ на другой же день послѣ кончины Высокопреосвященнѣйшаго Антонія, съ подобающею дѣлу сему торжественностію, преосвященнѣйшимъ Павломъ, епископомъ чебоксарскимъ, викаріемъ казанской епархіи, въ соучастіи двухъ архимандритовъ—Ювеналія свіяжскаго и Јергія, настоятеля здѣшняго Іоанно-Предтеченскаго монастыря, и оо. ректоровъ здѣшнихъ академіи и семинаріи, и всего духовенства города Казани, въ присутствіи гг. казанскаго губернатора, вице-губернатора, губернскаго предводителя дворянства, предсѣдателя казанской судебной палаты и представителей мѣстныхъ управленій и сословій, при громадномъ стеченіи народа. Процессія съ хоругвями и крестнымъ ходомъ, за которымъ два архимандрита несли архіерейскія регаліи покойнаго Архипастыря, а секретарь консисторіи—орденскіе знаки Его Высокопреосвященства,—началась ровно въ половинѣ десятаго часа, и какъ только достигла преддверія собора, причемъ кипарисовый гробъ, въ которомъ теперь почіетъ тѣло новопреставившагося Архипастыря, несенъ былъ на плечахъ протоіереями и священниками города Каза-

ни,—совершена была краткая литія, послѣ которой крестный ходъ вмѣстѣ съ гробомъ совершенъ былъ вокругъ собора. Какъ только гробъ внесенъ былъ въ соборъ,—каѳедральный о. протоіерей В. П. Вишневскій обратился къ почившему Архипастырю съ слѣдующею рѣчью:

„Добрый нашъ Пастырь!“

„Безъ нѣсколькихъ дней, тринадцать лѣтъ ты еженедѣльно, а въ инныя недѣли почти ежедневно приходилъ въ нашъ престольный храмъ, чтобы своими молитвами и ученіемъ низводить на богодарованную тебѣ паству спасительную для всѣхъ человѣковъ благодать Божию. Въ настоящій же день, тако изволившу Господу, обладающему живыми и мертвыми, бывшіе твои сослужители приносятъ тебя сюда, бездыханна и безгласна, чтобы ты упокоился отъ трудовъ твоихъ до дня всеобщаго воскресенія мертвыхъ.

Но если, по слышанному тайнозрителемъ съ неба гласу, у мертвыхъ, умирающихъ во Господѣ на покой, вслѣдъ за ними, идутъ дѣла ихъ (Ап. XIV, 13); то мы увѣрены, что ты и покоясь здѣсь, не престанешь умолять Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа, да соблюдетъ бывшую паству твою отъ непріязни. Ибо дѣло пастыря есть блѣтъ о душахъ пасомыхъ (Евр. XIII. 17).

Посему сколь ни безвременно еще, по нашему суду, нынѣшнее появленіе твое здѣсь, мы благословляемъ вхожденіе твое сюда.

Вниди убо съ миромъ въ покой твой, вѣрный служитель Христовъ, и благодѣтельный строитель таинъ Божіихъ!“

Рѣчь эта произвела на всѣхъ сильное дѣйствіе, особенно при воспоминаніи о томъ, что въ 1866 году декабря 22 дня на этомъ самомъ мѣстѣ тотъ же самый о. протоіерей встрѣчалъ незабвеннаго Владыку, совершенно бодрого и со всею энергіею его силъ, и высказывалъ ему радостныя ожиданія казанской па-

сты, съ желаніемъ долгодѣтельной и многоплодной жизни. Когда установленъ былъ гробъ среди собора, началась божественная литургія, которую совершалъ преосвященный Павелъ, епископъ чебоксарскій, викарій казанской епархіи, въ сослуженіи соборнаго духовенства; послѣ литургіи ими же совершена была и торжественная панихида у гроба новопреставившаго казанскаго Архипастыря.

Должно замѣтить, что панихиды по незабвенномъ Владыкѣ казанскомъ, немедленно послѣ его блаженной кончины, совершаемы были почти непрерывно, и денно и ношно. Въ 8-е число къ 3-му часу дня, когда была назначена первая торжественная панихида, въ архіерейскій домъ собрались гг. казанскій губернаторъ, вице-губернаторъ, губернский и уѣздный предводители дворянства, представители мѣстнаго окружнаго суда, г. городской голова и гг. гласные думы, г. попечитель казанскаго учебнаго округа и его помощникъ, множество почетнѣйшихъ дамъ здѣшняго общества, и представители всѣхъ сословій,—вообще такое огромное стеченіе публики, что въ домѣ едва доставало мѣста для служащаго духовенства. Послѣ этой панихиды было вскрыто и прочитано духовное завѣщаніе, оставшееся послѣ Его Высокопреосвященства. Это былъ какъ бы загробный голосъ Архипастыря, призывавшій всѣхъ чадъ своей паствы блюсти завѣты святой православной вѣры и благочестія христіанскаго и молиться къ Жизнодавцу, да сопричислить усопшаго къ сонму святыхъ своихъ. Причемъ указаны лишь самыя краткія распоряженія о похороненіи Владыки и о распредѣленіи между здѣшними духовно-учебными заведеніями его книгъ, и между его родственниками — не слишкомъ значительнаго движимаго имущества.

Завѣщаніе это, утвержденное здѣшнимъ окружнымъ судомъ, слѣдующее:

„Во имя Отца и Сына Святаго Духа! Аминь“.

„Божією милостію смиренный Антоній, архієпископъ казанскій и свіаяскій, чувствуя приближеніе кончины земной моей жизни, въ полномъ присутствіи духа и ясномъ сознаніи пишу сіе духовное завѣщаніе.

1) Прежде всего пастырски умоляю казанскую паству твердо хранить святую православную вѣру и неуклонно слѣдовать уставамъ святой церкви.

2) Прошу моихъ сослужителей и всѣхъ чадъ казанской церкви всегда творить о мнѣ молитвенную память, да причтетъ меня Господь къ лику избранныхъ и сподобитъ быть наслѣдникомъ царства небснаго.

3) Смиренно прошу прощенія у всѣхъ, кого въ жизни обидѣлъ или огорчилъ дѣломъ, словомъ и мыслію. Съ своей стороны, именемъ Господнимъ прощаю всѣхъ, кто причинилъ мнѣ какую либу обиду или огорченіе.

4) Именемъ Господа прошу также бранные останки мои погребсти вмѣстѣ со всѣми моими предмѣстниками, начиная со святителя Гурія, въ казанскомъ кафедральномъ соборѣ, въ Рождественскомъ придѣлѣ, за лѣвымъ клиросомъ, гдѣ надъ мѣстомъ погребенія устроить кіотъ изъ имѣющихся въ моей молитвенной и мнѣ принадлежащихъ св. иконъ Христа Спасителя и другихъ.

5) Оставшейся послѣ меня собственности дать такое назначеніе: а) св. икону Смоленской Божіей Матери большаго размѣра шитую золотомъ и серебромъ съ камнями передать въ казанскій кафедральный соборъ, съ тѣмъ, чтобы она поставлена была въ кіотъ за правымъ клиросомъ того же Рождественскаго придѣла; б) изъ бібліотеки моей многотомное изданіе „Полный курсъ патрологіи“ передать въ бібліо-

теку казанской духовной семинаріи, остальные же книги передать частію въ казанское духовное училище, частію въ училище двѣиць духовнаго званія, а крутъ богослужебныхъ книгъ и четви минеи оставить при крестовой церкви архіерейскаго дома.

6) Изъ принадлежащихъ мнѣ архіерейскихъ облаченій одинъ саккосъ (смоленскій) съ брилліантовою панагією и брилліантовымъ крестомъ передать въ смоленскую архіерейскую ризницу; прочія облаченія, а также митры, панагіи, кресты, въ томъ числѣ и докторскій, орденскіе знаки съ Высочайшими грамотами въ ризницу казанскаго кафедральнаго собора.

7) Относительно житейской моей собственности или вещей изъ одежды, бѣлья, и другихъ домашнихъ принадлежностей не дѣлаю въ семь завѣщаніи никакихъ распоряженій, потому что помянутую собственность еще прежде распредѣлять кому слѣдуетъ, предоставивъ преосвященному Павлу, викарію казанской епархіи, привести въ исполненіе данное ему мною лично и письменно на сей предметъ указаніе о передачѣ сказанной собственности о. протоіерею калужской Воскресенской церкви Александру Ивановичу Ростиславову для отдачи единственнымъ моимъ близкимъ роднымъ — женѣ его, протоіерея Ростиславова, Надеждѣ Ростиславовой и вдовѣ протоіерея Татіанѣ Холминской.

7) Денегъ у меня по смерти не искать, такъ какъ по обѣту иноческой нестяжательности я ихъ не собиралъ и не сберегалъ, а какія имѣлъ, тѣ употреблялъ на текуція нужды, на пособіе роднымъ и нищимъ и другія дѣла благотворенія.

8) Погребеніемъ моимъ предоставляю распорядиться преосвященному Павлу, викарію казанскому, по его непосредственному усмотрѣнію, для чего ему переданы изъ сбереженныхъ мною отъ расходовъ полторы тысячи рублей серебромъ.

9) Полученное мною за послѣднее время жалованье изъ штатной и неокладной суммъ архіерейска-

го дома, сколько его останется по день моей смерти, отдать тому же о. протоіерею калужской Воскресенской церкви Александру Ивановичу Ростиславову для передачи упомянутымъ въ 6-мъ пунктѣ моимъ роднымъ.

10) Покои мои до сорока дней послѣ смерти прошу предоставить въ распоряженіе Пресвященному викарію для исполненія выраженной ему лично и письменно моей воли.

11) Выполненіе всего прописаннаго въ семь завѣщаніи предоставляю пресвященному Павлу, викарію казанскому, при посредствѣ ключаря кафедральнаго собора о. протоіерея Петра Миловидова, о. эконома архіерейскаго дома игумена Александра и келейнаго моего іеромонаха о. Іоанна.

Закрываю сіе мое духовное завѣщаніе молитвенными словами св. Церкви: „Величая величаю Тя, Господи, яко призрѣль еси на смиреніе мое и спасль еси отъ нуждъ душу мою. И нынѣ, Владыко, да покрываетъ мя рука Твоя, и да придетъ на мя милость Твоя. Милостивъ буди ми, Владыко, и да примутъ душу мою Ангели Твои свѣтліи. Дажь славу имени Твоему святому и на Божественномъ твоємъ судилищи неосужденну предстати ми и буди ми Спасъ и Заступникъ. Помилуй, Господи, душу мою и чистую ю покаянiемъ и исповѣданiемъ приими. Яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ“. Аминь.

Смиранный Антоній, архіепископъ казанскій и свіаѣжскій. 5-го іюля 1878 года.

При составленіи сего духовнаго завѣщанія находились: свіаѣжскаго Богородицкаго монастыря настоятель, архимандритъ Ювеналій, казанскій губернаторъ, Тайный Совѣтникъ Николай Яковлевъ Скарятинъ, ректоръ казанской духовной академіи, протоіерей Александръ Поликарповъ Владимірскій.—Писаль сіе духовное завѣщаніе, за болѣзнію Пресвященнаго, секретарь Его Высокопресвященства Гурій Воздвиженскій“.

До самаго дня погребенія Владыки волны народа непрерывно прибывали въ крѣпость въ кафедральный соборъ, даже по ночамъ, отдать послѣдній долгъ любимому Архипастырю. Въ соборѣ только съ величайшимъ трудомъ можно было дать послѣднее цѣлованіе новопреставившемуся. А это доказываетъ, какъ глубоко любилъ и чтилъ память своего Архипастыря православный народъ, за который онъ самъ готовъ былъ всегда положить свою душу.

Въ одинъ изъ этихъ промежуточныхъ дней, именно 10-го числа, послѣ обѣдни вся корпорація гг. наставниковъ академіи и студентовъ также прибыли въ соборъ, чтобы въ особенности отъ себя совершить панихиду по своему почившемъ руководителѣ, ученомъ и добродѣтельнымъ Архипастырѣ.

Предъ окончаніемъ панихиды г. инспекторъ казанской духовной академіи Николай Ивановичъ Ивановскій предъ гробомъ почившаго произнесъ слѣдующую прощальную рѣчь:

**„Высокопреосвященнѣйшій Владыко
Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!“**

..Казанская духовная академія въ полномъ составѣ своихъ членовъ явилась отдать послѣдній долгъ почитанія и любви своему почившему Архипастырю и принять его благословеніе. Да не смутится твой духъ немногими словами, выражающими общее, сколько я понимаю, чувство всѣхъ насъ. Я не позволю себѣ говорить здѣсь ни о твоёмъ служеніи церкви, ни о твоей подвижнической жизни, ни о дѣятельности общественной и административной, о чемъ, вѣроятно, вспомнятъ другіе, ближе насъ знакомые съ этими сторонами твоей многосложной жизни. Но, вознесши молитву къ Царю царей, Архіерею небесному, да удостоитъ Онъ нетлѣнныхъ вѣнцовъ почившаго отъ трудовъ архіерея земнаго, остановлюсь мыслію на тѣхъ сравнительно не сложныхъ, но сердечныхъ и достойныхъ вѣчной памяти отношеніяхъ, въ

какихъ ты находился къ намъ въ теченіи рсей своей жизни въ Казани.

13 лѣтъ назадъ академія встрѣчала у себя новаго—ученаго, живаго, энергичнаго, привѣтливаго Архипастыря, слава о которомъ долетѣла еще нѣскольکو раньше, и имя котораго было извѣстно во всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ Россіи. Тогда же каждый изъ живущихъ въ стѣнахъ академіи преподавателей удостоился встрѣтить Владыку въ своей квартирѣ, выслушать отъ него ласковое слово, добрый советъ, ободреніе на трудъ. Съ этихъ поръ установилась уже тѣсная нравственная связь между тобою, досточтимый Архипастырь, и академіей. Впослѣдствіи связь эта все крѣпла: каждое твое посѣщеніе академіи, всякая частная встрѣча съ тобою обнаруживали съ одной стороны пастырскую любовь, способную, по Апостолу, изгнать страхъ,—тонкія, деликатныя отношенія, соединенныя съ твердостію убѣжденій, а съ другой—полное довѣріе и глубокую признательность. Мы помнимъ твои мудрыя наставленія о наукѣ и благочестіи, о значеніи богословскаго образованія, о приведеніи всѣхъ знаній къ единству идеи и цѣли, о высотѣ и силѣ религіознаго воспитанія. Мы помнимъ твои руководительныя отеческія наставленія нашимъ питомцамъ, видали опутительныя проявленія ихъ юнаго горячаго чувства при разставаніяхъ съ тобою, чувства, которое будетъ служить дорогимъ воспоминаніемъ на всю ихъ жизнь. Мы никогда не забудемъ твоихъ не разъ повторявшихся словъ: „академія—мое любимое дѣтище“.

Съ тяжелою болью въ душѣ узнало это дѣтище о потерѣ любимаго отца..... Впрочемъ, зачѣмъ о потерѣ? Уповаемъ, что и тогда, когда каждому изъ насъ въ опредѣленное ему время придется предстать предъ престоломъ Судіи, ты опять скажешь намъ: „се азъ и дѣти, яже ми даде Богъ“!

Позволь еще одно слово. Къ нѣкоторымъ изъ насъ ты находился въ особенныхъ отношеніяхъ. Цер-

ковъ, порученная твоему управленію, волнуется не только бурною житейскихъ тревоженій, но и пагубнымъ вѣтромъ ложныхъ ученій противоцерковныхъ и противохристіанскихъ. Задача утишенія этой бури поставлена вѣками и, по Апостолу, не можетъ быть разрѣшена одними человѣческими силами, хотя Господу угодны и пріятны и немощныя усилія людей. Твоя ревность по дому Божію, сила воли и ума, насколько возможно, сумѣла создать цѣлое общество другихъ ревнителей въ лицѣ братства святителя Гурія, и сумѣла поддерживать энергію во второстепенныхъ дѣятеляхъ.... Дерзаемъ уповать, что и теперь молитва твоя будетъ, наравнѣ съ первосвятителемъ города Казани, святымъ Гуріемъ, да людіе, ходящіе во тмѣ раздоровъ и расколовъ, увидятъ свѣтъ церковнаго мира и любви, а на сѣлящихъ во странѣ и сѣни смертнѣй возсіяетъ свѣтъ Христовъ.

Прости, Владыко святой, моему слабому слову, прими дань молитвы, любви, почитанія отъ твоихъ дѣтей! Сподоби и твоихъ молитвъ о процвѣтаніи и укрѣпленіи вѣры, здравыхъ понятій, честности стремленій въ твоёмъ дорогомъ дѣтищѣ, да принесетъ и оно свою лепту на пользу церкви и на служеніе наукъ“.

А вслѣдъ за г. инспекторомъ академіи произнесъ другую рѣчь доцентъ С. А. Терновскій. Онъ сказалъ слѣдующее:

„Высокочтимый Владыко!“

„Да позволено мнѣ будетъ сказать предъ гробомъ твоимъ нѣсколько словъ благодарности отъ лица другой академіи, отъ лица академіи кievской. Кievская академія всегда съ благоговѣніемъ и любовію чтитъ память своихъ великихъ наставниковъ и начальниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и твое великое имя съ благодарностію впишетъ она на страницахъ своей славной исторіи. Нѣтъ сомнѣнія, что на страницахъ своей исторіи она скажетъ о твоихъ заслугахъ для нея

гораздо болѣе, чѣмъ сколько могу я сказать объ этомъ въ настоящее время. Но съ своей стороны могу я съ полною искренностію засвидѣтельствовать, что ты до конца своей жизни питалъ глубокую любовь и признательность къ воспитавшей тебя кievской академіи, что ты до конца жизни всею душою былъ преданъ ей, что ты до конца жизни своей хранилъ то направленіе, какое академія эта желала бы видѣть во всѣхъ питомцахъ своихъ.

Кievская академія, подобно другимъ академіямъ, съ особеннымъ благоговѣніемъ празднуетъ память великаго апостола и евангелиста Іоанна Богослова. Всякій знаетъ, Владыко святой, какъ велики были твои богословскія познанія, какъ крѣпки твои богословскія убѣжденія. Не буду говорить объ этомъ. Скажу нѣчто другое. О св. евангелистѣ Іоаннѣ есть преданіе въ церковной исторіи, что онъ въ послѣдніе дни своей жизни постоянно повторялъ ученикамъ своимъ одни и тѣже слова: братія, любите другъ друга! И о тебѣ, Владыко святой, могу засвидѣтельствовать, что ты до послѣднихъ дней своей жизни твердо помнилъ это наставленіе апостола и не разъ въ нашей академической семьѣ повторялъ намъ ту же евангельскую заповѣдь: *„вся вамъ любовію да бывають“*. Есть и другое преданіе о послѣднихъ дняхъ жизни св. Іоанна, преданіе, свидѣтельствующее о его горячей ревности по правому ученію. Находятъ невѣрнымъ это преданіе; находятъ невозможнымъ совмѣщеніе въ одномъ лицѣ двухъ такихъ свойствъ—глубокой любви и снисходительности и горячей, пламенной ревности. Но и въ тебѣ, Владыко святой, было совмѣщеніе этихъ свойствъ и въ тебѣ чтили мы не только великую силу любви, но чтили также и твое искреннее горячее исповѣданіе твоихъ священныхъ убѣжденій.

Прими же, Владыко святой, поклонъ земной предъ гробомъ твоимъ отъ недавняго воспитанника кievской академіи, завѣты которой такъ свято хра-

нилъ ты то послѣднихъ дней своей жизни. Моли предъ престоломъ Всевышняго, да всюду въ мѣрѣ христіанскомъ осуществляется великая евангельская заповѣдь о взаимной братской любви“.

Это были задушевные напутствія Владыки въ тотъ путь, откуда нѣтъ никому возврата до дня всеобщаго воскресенія.

Кромѣ академической корпораціи, паннихиды совершались отъ крещено-татарской школы, на татарскомъ языкѣ, и отъ монашествующихъ дѣвичьяго монастыря съ игуменьею, въ домѣ; въ соборѣ же отъ учительской инородческой семинаріи.

Къ совершенію обряда погребенія въ Бозѣ почившаго Архипастыря прибылъ, 10 числа въ 12 часу утра, въ Казань, по назначенію Святѣйшаго Синода, преосвященнѣйшій Θεоктистъ, епископъ симбирскій и сызранскій. Въ половинѣ десятаго часа утромъ 12-го числа началась въ соборѣ заупокойная литургія, которую совершали преосвященный симбирскій Θεоктистъ и преосвященный Павелъ, епископъ чебоксарскій, викарій казанской епархіи, въ сослуженіи двухъ архимандритовъ, оо. ректоровъ здѣшнихъ академіи и семинаріи, соборнаго духовенства, также настоятелей монастырей: Чебоксарскаго, Раюской пустыни и Седмезерной пустыни и другихъ настоятелей здѣшнихъ городскихъ церквей, въ присутствіи представителей мѣстныхъ властей, какъ военной, такъ и гражданской, учебной и судебной, и въ присутствіи наставниковъ и воспитанниковъ здѣшнихъ духовно-учебныхъ заведеній, монахинь здѣшняго женскаго монастыря, настоятельницъ Казанскаго, Цивильскаго и Чистопольскаго монастырей, почетнѣйшихъ дамъ здѣшняго высшаго общества и почетнѣйшихъ гражданъ.

По окончаніи литургіи ректоръ духовной академіи, протоіерей А. П. Владимірскій произнесъ слово, въ которомъ оплакивая кончину незабвеннаго Архипастыря, прекрасно обрисовалъ передъ слушателями его свѣтлый образъ. Вотъ это слово:

„Образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою“ (1 Тим. IV, 12).

„По словамъ премудраго для всего есть свое время, и есть время всякой вещи подъ небесамъ; есть, между прочимъ, время плакати и рыдати (Еккл. III, 1—4). Вотъ это время плакати и рыдати и настало теперь для насъ съ вами, возлюбленные братіе и сестры о Господѣ. Ангель казанскія церкви улетѣлъ отъ нея въ селенія небесныя. Свѣтильникъ ея, стоявшій на сей святительской кафедрѣ и свѣтившій всѣмъ намъ свѣтомъ вѣры и благочестія, угасъ. Уста нашего Архипастыря, возносившія о насъ усердныя молитвы къ вѣчному и божественному Пастыреначальнику и Господу предъ престоломъ святаго храма сего и поучавшія насъ съ сего свѣщ. мѣста истинамъ святой вѣры и святой жизни, умолкли!

Велика и тяжела, возлюбленные братіе и сестры, настоящая скорбь наша, ибо велика и тяжела наша потеря.

Но какъ ни велика и ни тяжела наша скорбь, она, конечно, не будетъ скорбію *не имущихъ упованія* (1 Сол. IV, 13) въ жизнь загробную. Мы вѣримъ въ эту жизнь и въ непрерываемость духовнаго общенія между умирающими и остающимися въ живыхъ. Въ этой-то вѣрѣ и заключается для насъ первѣе всего, сѣтующіе братіе и сестры, обильный источникъ святыхъ и отрадныхъ утѣшеній и въ настоящей нашей скорби о почившемъ Архипастырѣ нашемъ. Возсылая нынѣ свои молитвы ко Господу о упокоеніи души его въ небесныхъ обителяхъ, мы имѣемъ упованіе, что и онъ, какъ прежде здѣсь, такъ теперь и тамъ—на небѣ—будетъ возносить свои молитвы предъ престоломъ Божественной благодати о пресупсѣянніи земной своей паствы въ истинной и спасительной вѣрѣ, въ святой и непорочной жизни.

Въ утѣшеніе наше, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ назиданіе наше, вспомняемъ еще, сѣдующіе братіе и сестры, добрыя и возвышенныя качества святой души почившаго о Господѣ Святителя. Да не оскорбится, Святителю Божій, твоя скромность и смиренно-мудріе нашимъ напоминаніемъ о высокихъ добродѣтеляхъ твоей души и твоего священноначальническаго служенія. Не льстивыя похвалы будемъ говорить тебѣ предъ твоею сѣдующею и оплакивающею тебя паствою. Постараемся речею здѣсь только то, что всегда видѣла въ тебѣ вся твоя паства. Не упрекъ въ преувеличеніи твоихъ высокихъ и прекрасныхъ душевныхъ достоинствъ и добродѣтелей смущаетъ насъ; насъ приводитъ въ смущеніе мысль о томъ, что наше слово не вполне и слабо изобразить твои святительскія качества и добродѣтели.

Почившій о Господѣ Святитель правиломъ для своей святительской жизни и дѣятельности избралъ, повидимому, наставленіе, данное св. апостоломъ Павломъ ученику своему Тимоѳею, пастырю ефесской церкви, — то наставленіе, которымъ мы предначали настоящее наше слово: *образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою*. Непрестанно памятуя о томъ, что епископъ, какъ преемникъ апостольскаго служенія въ церкви Божіей, долженъ быть вѣрнымъ хранителемъ евангельскаго ученія и насадителемъ его въ сердцахъ людей, почившій о Господѣ Архипастырь нашъ былъ строгимъ и ревностнымъ исполнителемъ этой, сколько высокой, столько же и многотрудной обязанности. Глубоко благоговѣя самъ предъ истинами Христовой вѣры, сколько возвышенными и непостижимыми для человѣческаго разума, столько же и спасительными для душъ человѣческихъ, онъ вседушевно желалъ, чтобы и вся паства его, чтобы весь народъ христіанскій принималъ ихъ съ такимъ же, какъ и онъ самъ, благоговѣніемъ, чтобы всѣ исповѣдовали ихъ такъ, какъ означала содержала ихъ св. праросларная церковь, опредѣлив-

шая пониманіе ихъ на святыхъ вселенскихъ соборахъ. Обладая высокимъ и свѣтлымъ умомъ, обширными и основательными богословскими познаніями, съ искреннимъ уваженіемъ относясь къ богословскому и ко всякому научному образованію, почившій Архипастырь и самъ принималъ эти истины живою и сердечною вѣрою, не надмѣвался обширностію своихъ научныхъ познаній, и желалъ, чтобы и другіе, изучая ихъ, не высоко мудрствовали о себѣ, но украшались простотою младенца и смиренномудріемъ, всегда памятуящимъ слова св. апостола: *буде Божіе премудрѣе чловѣкъ есть* (1 Кор. I, 25), равно какъ и то свидѣтельство исторіи, что просвѣтила міръ свѣтомъ спасительной истины не мудрость чловѣческая, а *буйство проповѣди* (1 Кор. I, 21) двѣнадцати простыхъ галилейскихъ рыбаей.

Ревностно и отъ искренняго сердца соблюдая евангельскую истину во всей ея небесной чистотѣ, почившій о Господѣ Архипастырь неослабно старался объ утвержденіи и укорненіи ея во всей паствѣ своей. Въ этомъ отношеніи о немъ можно сказать тоже самое, что сказалъ нѣкогда о себѣ св. апостоль Іоаннъ Богословъ: *для меня нѣтъ большей радости, какъ слытать, что дѣти мои держатся истины* (3 Іоан. 4). Посему, памятуя заповѣдь св. апостола Павла: *подобаетъ быти епископу учителю* (1 Тим. III, 2), онъ весьма часто назидалъ своихъ чадъ о Господѣ словомъ спасительной истины и въ семь храмѣ и въ другихъ храмахъ града сего и въ храмахъ многихъ другихъ градовъ и селеній своей епархіи. *Измлада* наученный правильному разумѣнію *свящ. писанія*, и не только въ совершенствѣ знавшій его, но и всѣмъ сердцемъ чтившій его, *яко воистину слово Божіе* (1 Сол. II, 13), онъ всегда на немъ утверждалъ свои собесѣдованія съ паствою и при всѣхъ случаяхъ и обстоятельствахъ предлагалъ ей слово *здорово, незазорное* (1 Тим. II, 8), *солію* благодати Божіей *растворенное*, исходящее изъ искренно вѣрующаго и лю-

блщаго сердца и доходящее до сердца слушающихъ. Но къ чему мы говоримъ предъ вами о качествахъ его пастырскаго слова, когда, конечно, каждый изъ васъ, слыша его изъ его усть съ сей самой кафедры, самъ испыталъ его благотворное и спасительное дѣйствіе на себѣ самомъ?

Такъ почившій о Господѣ Архипастыръ нашъ, какъ *добрый служитель Господа Иисуса Христа* (1 Тим. IV, 6), *право правилъ слово* спасительной евангельской *истины* (2 Тим. 2, 15) во вѣренной ему Божественнымъ Пастыреначальникомъ словесной паствѣ.

Но почившій Архипастыръ не только словомъ своимъ поучалъ паству слою истинамъ святой вѣры и богоугодной жизни, но самъ первый показывалъ паствѣ своей примѣръ такой жизни и вѣры. Проникнутый искреннею и живою вѣрою въ Господа Иисуса Христа и непоколебимымъ убѣжденіемъ въ истинности и спасительности Его ученія, онъ сдѣлалъ это ученіе живымъ началомъ своей жизни и дѣятельности. Высокія добродѣтели, указываемыя намъ въ Евангеліи, смиренномудріе, дѣтское незлобіе и чистота, нестяжательность, искренность въ обращеніи со всѣми, преданность волѣ Божіей и любовь къ Богу и ближнимъ сочетавались въ немъ съ прекрасными природными качествами его души, съ свѣтлымъ и обширнымъ умомъ, усовершенствованнымъ основательнымъ научнымъ образованіемъ, съ твердою и энергичною волею, съ добротою и чистотою сердца, и составили изъ себя какъ бы прекрасный вѣнокъ, сплетенный изъ пріятнѣйшихъ для зрѣнія и благоухающихъ цвѣтовъ. Но въ особенности замѣтно выдавалось въ его жизни молитвенное настроеніе души его и горячее усердіе къ богослуженію. Глубоко сознавая немощи человѣческой природы и преданный волѣ Божіей, онъ находилъ дѣйствительное успокоеніе своему духу, среди сложныхъ и многотрудныхъ пастырскихъ и служебно-административныхъ занятій, большею частію

въ молитвѣ. Молитва была, можно сказать, наиболѣе любимымъ занятіемъ души его. — Многимъ изъ насъ, сѣтующіе братіе и сестры, безъ сомнѣнія извѣстно, что онъ почти ежедневно присутствовалъ при церковномъ богослуженіи своей домашней церкви, — вечеромъ и утромъ, особенно же при совершеніи божественной литургіи. Особенно во время святой четыредесятницы онъ, можно сказать, неопустительно присутствовалъ при совершеніи церковнаго богослуженія, а въ среду и пятницу, въ теченіе всей четыредесятницы, самъ совершалъ преждеосвященныя литургіи. Такъ же усердно и неопустительно совершалъ онъ богослуженіе не только въ праздничные и воскресные дни, но нерѣдко и въ дни обыкновенные. Усердіе его къ богослуженію было столь сильно, что только тяжкая болѣзнь могла удерживать его отъ богослуженія. Но и въ это время, при незначительномъ ослабленіи болѣзни, онъ, хотя и съ великимъ трудомъ, непремѣнно или самъ совершалъ литургію во дни великихъ церковныхъ праздниковъ, или, только присутствовалъ при ея совершеніи. И какъ же онъ скорбѣлъ душою, когда болѣзнь удерживала его дома въ такіе дни! — Такъ, духъ его, преданный Богу и въ Богѣ покоившійся, желалъ какъ можно чаще, *привити въ домъ Божіемъ!*

Какъ истинный сынъ православной церкви, почившій Архипастыръ былъ усерднымъ и строгимъ исполнителемъ ся установленій. Какъ свято и съ какою точностію соблюдалъ, на примѣръ, онъ всѣ установленные ею посты, это извѣстно всѣмъ вамъ, сѣтующіе братіе и сестры. Даже во время тяжелой и продолжительной болѣзни, онъ едва соглашался, и то на малое время, ослабить ихъ нѣсколько. Такъ послушаніе установленіямъ св. церкви превозмогало въ немъ силу самой болѣзни! — Болѣзнь свою онъ переносилъ безъ роптанія, и первѣе всего озаботился, при самомъ ея началѣ, прибѣгнуть къ врачеванію духовному и просилъ совершить надъ собою таинство елсосвященія. Приобщеніе же святаго и жи-

вотворящаго тѣла и крови Господней, и въ началѣ, и во все теченіе болѣзни. было у него почти ежедневное. Въ это время, постоянно готовый отъйти изъ сей жизни, онъ постоянно желалъ быть въ таинственномъ и тѣсномъ общеніи съ своимъ Господомъ и Спасителемъ, добрымъ и вѣрнымъ служителемъ котораго былъ во всю жизнь свою.

Говоря о высокихъ качествахъ души почившаго о Господѣ Архипастыря, нельзя пройти молчаніемъ его нестяжательности и благотворительности бѣднымъ. — О немъ можно сказать, что онъ, по заповѣди Господа, *не скрывалъ себѣ сокровищъ на земли* (Мо. VI, 19), а старался *богатиться въ дѣлахъ добрыхъ, благоподатливымъ быти, собирая себѣ сокровище, долженствующее быть добрымъ основаніемъ для будущаго, чтобы достигнуть истинной жизни въ вѣчности* (1 Тим. VI, 18. 19). Земное стяжаніе его, незначительное само по себѣ, — какъ извѣстно изъ его духовнаго завѣщанія, которое, по его волѣ, было вскрыто и прочтено въ присутствіи весьма многихъ изъ васъ, въ самый день его кончины у его гроба, — уходило у него на пріобрѣтеніе стяжанія духовнаго, на дѣла благотворенія и нищую братію, которую ежедневно почти можно было встрѣтить при его домѣ, и которая особенно въ большемъ количествѣ стекалась сюда въ дни праздничные и еще въ одинъ изъ дней недѣли — четвергъ, — день установленнаго почившимъ Архипастыремъ чтенія въ кафедральномъ соборѣ акаѳиста первосвятителю казанскому святому Гурію.

Таковъ былъ, сѣтующіе братіе и сестры о Господѣ, почившій въ Бозѣ нашъ Архипастырь. И при краткости и недостаточности настоящаго очертанія его добродѣтельной жизни и пастырскаго среди насъ служенія, нельзя не видѣть, что это былъ *пастырь добрый*, неустанно заботившійся о духовномъ просвѣщеніи и утвержденіи въ святой и богоугодной жизни своей паствы, который воистину былъ *образомъ* для нея *словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою*. Какъ пастырь добрый, онъ всегда шелъ впередъ

ди своей паствы во всякомъ добромъ дѣлѣ и начина-
ніи; какъ пастырь добрый, онъ зналъ большую часть
своихъ пасомыхъ по имени, по служебному положе-
нію, по семейнымъ и житейскимъ обстоятельствамъ,
и принималъ всѣхъ, благовременно и безвременно, съ
обычною ему привѣтливостію и христіанскою любо-
вію, всѣмъ преподавая духовное назиданіе, утѣшеніе,
добрый совѣтъ и благословеніе, принимая живое и
сердечное участіе въ семейномъ горѣ и несчастіяхъ,
равно какъ и въ семейныхъ радостяхъ всѣхъ, кто
приближался къ нему.

И необинуясь можемъ сказать, что и паства не
только глубоко уважала, но искренно любила своего
пастыря. Доказательствомъ тому служатъ слезы и
сѣтованія ваши, возлюбленные о Господѣ братіе и
сестры. ваша глубокая скорбь и сожалѣніе о почив-
шемъ. По всему видно, что почившій Архипастырь
находился въ близкомъ духовномъ общеніи съ своею
паствою.—Да будетъ же онъ образомъ христіанской
жизни для паствы своей и по кончинѣ своей, какъ
былъ имъ при своей жизни!

Теперь же, сѣтующіе братіе и сестры, разлуча-
ясь съ своимъ почившимъ Архипастыремъ и давая
ему послѣднее цѣлованіе, вознесемъ теплыя, сердеч-
ныя и слезныя молитвы къ *Великому Архіерею, про-
тедшму небеса, Господу Иисусу Христу* (Евр. IV, 14),
искупившему насъ отъ грѣха своими крестными стра-
даніями и смертію, да приметъ духъ нашего почив-
шаго Архипастыря въ свои небесныя обители и да
сопритчетъ его къ лику святыхъ и великихъ пасты-
рей своей святой церкви! Аминь“.

Отпѣваніе началось въ 1-мъ часу означенными
архипастырями, въ сослуженіи кромѣ участвовавшихъ
въ служеніи литургій, всего городского духовенства.
Ничего нельзя представить трогательнѣе священни-
ческаго погребальнаго канона, стихи котораго самымъ
отчетливымъ образомъ были читаны священникомъ
здѣшней больничной церкви о. Иоанномъ Серафимо-

вымъ, и антифоновъ, которые съ такимъ чувствомъ были пропѣты наилучшими пѣвцами, изъ діаконовъ здѣшнихъ церквей, и вообще всего этого обряда, произведившаго на душу самое потрясающее дѣйствіе.

По окончаніи чтенія евангелій законоучитель Родионовскаго института и благочинный церковей домовыхъ и безприходныхъ г. Казани, протоіерей магистръ И. И. Лепоринскій произнесъ слѣдующую рѣчь:

„И каждый гробъ, восхищающій жизнь человѣка, производитъ скорбное впечатлѣніе; но когда гробъ уноситъ отъ насъ жизнь, обладающую великими силами и достоинствами, или—жизнь, которая съ собственною нашею жизнію сопряжена узами тѣснѣйшаго единенія; то, какъ болѣзненно сжимается отъ скорби сердце, и въ какое смущеніе приходитъ умъ, при мысли о понесенной нами, невозвратимой потерѣ!

Таковымъ, именно, представляю въ настоящія печальныя минуты, душевное настроеніе ваше, сѣтующіе о потерѣ Архипастыря—отцы и братіе, пастыри и пасомые—осиротѣвшія чада церкви казанскія! Въ лицѣ своего Архипастыря лишились вы богомудраго учителя, наставлявшаго васъ *словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою* (Тим. IV, 12) и руководившаго васъ прямымъ, хотя и тѣснымъ путемъ къ царствію Божію. Промыслъ Божій, предызбравшій Архипастыря на сіе высокое служеніе въ церкви, украсилъ его дарованіями и талантами, далеко изъ ряда обыкновенныхъ выходящими, и, сообразно съ симъ назначеніемъ, сначала чрезъ ученіе и нарочитые опыты воспитанія духовнаго, а затѣмъ чрезъ прохожденіе многообразныхъ служеній въ церкви и разсадникахъ духовнаго просвѣщенія, совершавшееся подъ руководствомъ опытнаго и извѣстнаго своимъ благочестіемъ, роднаго ему и паствѣ казанской приснопамятнаго Архипастыря, видимымъ образомъ приготавливалъ избранника своего къ тому, да *свѣтитъ* онъ людямъ Божіимъ, какъ свѣтильникъ на мѣстѣ высококомъ поставленный (Матѹ. V, 14—16).

И поистинно, онъ былъ свѣтильникъ, *горя и свѣтя* (Иоан. V, 35) не только для тѣхъ, кои находились *въ храминѣ* церкви, гдѣ онъ первоначально былъ поставленъ, но и для всей церкви отечественной, которая и воспользовалась его свѣщеніемъ. Мы сами и учились, и учили другихъ истинамъ вѣры и обязанностямъ пастырства по руководствамъ, его святительскою рукою начертаннымъ, кои навсегда останутся памятникомъ его высокаго и чистаго богословія. Но онъ свѣтилъ не однимъ пастырямъ, а и пасомые отъ сего пламенѣющаго чистою вѣрою и христіанскою любовію свѣтильника обильнымъ просвѣщались свѣтомъ изъ его церковныхъ бесѣдъ и поученій, полныхъ сердечнаго краснорѣчія, убѣдительныхъ по силѣ назиданія и соединяющихъ съ простою и стройно-прекрасною формою глубину богословствующей мысли, и потому доступныхъ для разумнѣйшихъ, какъ образованныхъ, такъ и простыхъ и мало образованныхъ.

Какъ же послѣ сего, не сѣтовать и не сокрушаться намъ, когда свѣтильникъ сей, столь ярко горѣвшій на свѣщникѣ нашей мѣстной церкви, — погасъ? Какъ не приходить въ смущеніе отъ мысли, что съ угашеніемъ его, мы утратили свѣтъ, просвѣщающій стези наши? Но нѣтъ, возлюбл. отцы и братія! Не угасъ свѣтильникъ нашъ, а въ немъ истончился только слей, служившій веществомъ для горѣнія, — самый же свѣтъ остался, и лучи его, воспріятыя душами вѣрныхъ, всегда будутъ горѣть въ нихъ чистымъ пламенемъ вѣры, любви и упованія христіанскаго, и какъ общее достоиніе всѣхъ христіанъ, свѣтомъ своимъ будутъ озарять не только современныя, но и грядущія поколѣнія. — Запечатлѣлись молчаніемъ златыя уста нашего Архипастыря, но его слово дѣйственное и духовнаго помазанія исполненное, какъ для насъ пастырей будетъ служить навеки на неизмѣннымъ руководствомъ въ дѣлѣ пастырскаго служенія, такъ и для всѣхъ пасомыхъ — неизсякаемымъ источникомъ назиданія духовнаго, и имя въ Возѣ почившаго Архипа-

стыря нашего, которое онъ неразрывно соединилъ съ именами просвѣтителей здѣшнихъ, навсегда останется памятнымъ для города и страны нашей, и какъ нами, такъ и потомками нашими произноситься будетъ съ любовію и во благословеніяхъ“.

По пропѣтіи же кондака и икосовъ, новоопредѣленный ректоръ здѣшней духовной семинаріи, протоіерей Никифоръ Каменскій произнесъ слѣдующее слово на текстъ: *уже исповѣсть Мя предъ челоуѣки, исповѣзь его и Азъ предъ Отцемъ моимъ.*

„Этимъ словомъ Господа Спасителя открывается намъ славная грядущая участь, недалекое отрадное будущее нашего въ Возѣ почившаго Архипастыря.

Господь сказалъ, что кто будетъ непостыдно возвѣщать о Немъ и Его спасительномъ ученіи предъ людьми, о томъ и Онъ возвѣститъ Отцу своему, какъ о достойнѣйшемъ своемъ слугѣ. Такимъ образомъ мы можемъ вполнѣ утѣшиться въ нашей скорби будущей участію нашего почившаго Архипастыря. Онъ до гроба неустанно совершалъ дѣло Божіе, исповѣдовалъ Господа Иисуса предъ челоуѣки. Вѣруемъ, что и Сынъ Божій „исповѣсть его“ предъ Отцемъ своимъ.

Самымъ важнѣйшимъ дѣломъ, въ обширнѣйшемъ служеніи нашего почившаго Архипастыря, на нашъ взглядъ было какъ научное служеніе его христіанской истинѣ, сказавшееся въ его ученыхъ богословскихъ системахъ, такъ и пастырское его учительство, которымъ онъ открыто, предъ всѣми нами, предъ всѣмъ міромъ, исповѣдовалъ Христа и все Его святое ученіе, исповѣдовалъ право, твердо, благоговѣнно, ревностно, многократно, многообразно, и словомъ и дѣломъ, устно и письменно.

Весьма рано отвергнувши всѣ житейскія привязанности, которыя могли препятствовать его всецѣлой, безпредѣльной преданности служенію Господню, онъ весь отдался великому дѣлу служенія христіанской истинѣ. Важнѣйшимъ плодомъ этого его служенія слѣдуетъ признать конечно знаменитый трудъ

его— „Догматическое богословіе“, по которому нѣсколько поколѣній пастырей Русской церкви учились достоинственному вѣрованію въ Бога и ревностному исповѣданію Его. Можно думать, что научная слава краткой, но точной и основательной системы богословія Высокопреосвящ. Антонія не умретъ со смертію его. Высшая церковная власть почтила его за этотъ трудъ высшею ученою степенію, а Господь, надѣмая, возвѣститъ Отцу своему о его непостыдномъ пастырскомъ исповѣданіи и ревностномъ возвѣщеніи предъ людьми небесныхъ истинъ Евангелія.

Незадолго до своей смерти, почившій Іерархъ нашъ, бесѣдуя со мною, говорилъ, что *„учитель вѣры Христовой долженъ сочетаться съ премудростію Божіею и воспитать въ себѣ трехъ чадъ ея: вѣру, надежду и любовь“*. Это безъ сомнѣнія было выраженіе его личнаго идеала, къ которому онъ стремился съ раннихъ лѣтъ и который имъ осуществлялся постоянно, въ теченіи всей его жизни...

Видя эту ревность Божію въ немъ, церковь быстро возводила его: сначала въ руководители средняго богословскаго образованія, а потомъ высшаго, все въ колыбели русскаго христіанства — въ Кіевѣ, затѣмъ въ епископы города Смоленска, и наконецъ въ архипастыри нашего града Казани.

Высшая власть церкви Русской даруя его *„прежде темному, нынѣ же свѣтлому граду Казани“* ⁽¹⁾, безъ сомнѣнія, возлагала на него великія надежды, какъ на учителя и охранителя св. православной вѣры извѣстнѣйшаго, испытаннаго, твердаго и ревностнаго, каковъ именно и требовался для нашего града.

Свѣтъ христіанскаго ученія и древняя тьма града Казани еще не вполне обособились; у насъ свѣтъ свѣтится и въ тоже время тьма облегаетъ насъ со всѣхъ сторонъ: то въ видѣ магометанскаго изуверства, то въ видѣ первобытнаго язычества разныхъ инородческихъ племенъ нашего края.

⁽¹⁾ Тропарь въ день св. Гурія.

Но нашъ почившій Архипастырь, поставленный на верху столь великаго и высокаго града, сразу сталъ на высотѣ своего призванія и сразу отъ всѣхъ заслужилъ имя благостнѣйшаго, добраго и мудраго Архипастыря, и онъ тщился быть свѣтильникомъ, стоящимъ не подъ спудомъ, до самой блаженной кончины своей.

Ревность по долгу Божию можно сказать *сподарила его* (Пс. LXVIII, 10). Вотъ почему не проходило ни одного болѣе или менѣе важнаго общественнаго событiя, въ которомъ онъ не принималъ бы живаго участiя своимъ словомъ ученiя, направленаго или къ утвержденiю вѣры, или къ охраненiю ея. Все это хорошо извѣстно всѣмъ намъ. Памятниками этого живаго участiя почившаго Архипастыря во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ нашихъ могутъ служить его многочисленныя проповѣди на эти обстоятельства. При немъ совершилось открытiе и развитiе плодотворнѣйшей просвѣтительной дѣятельности братства св. Гурiя. Питомцамъ разныхъ школъ должно быть приснопамятно, съ какимъ терпѣнiемъ почившій Архипастырь нашъ просиживалъ множество часовъ, внимательно наблюдая за точностию вѣроисповѣданiя ихъ; преимущественно это должно сказать относительно духовныхъ школъ, интересы которыхъ онъ особенно глубоко принималъ къ своему сердцу. Убѣждая по возможности всѣхъ быть спокойными, мужественными въ вѣрѣ, онъ въ особенности убѣждалъ не увлекаться духомъ современныхъ отрицательныхъ воззрѣнiй, не колебаться *внутри* различныхъ современныхъ ученiй—молодежь, посвятившую себя изученiю высшихъ богословскихъ наукъ; имъ онъ особенно часто внушалъ: *не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи, аще отъ Бога суть* (1 Иоан. IV, 1); и въ нихъ онъ особенно старался воспламенить свящ. огонь ревности по вѣрѣ, убѣждая ихъ *облечься во вся оружiя Божiя, препоясаться словомъ Божиимъ, взять щитъ вѣры, шлемъ*

спасенія и смѣло идти на борьбу съ маловѣріемъ и невѣріемъ.

Будучи самъ въ высшей степени строгимъ и точнымъ носителемъ христіанскаго міросозерпанія, онъ требовалъ строго-православнаго утвержденія въ вѣрѣ и другихъ, и смотря на все съ высшей христіанской точки зрѣнія, онъ старался это міровоззрѣніе внѣдрять и въ сердца всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось вести архипастырскую бесѣду.

Словомъ: онъ вездѣ, *временно и безвременно* старался исповѣдать Бога Отца, Его Сына и Св. Духа. Это постоянное исповѣданіе Господа придавало истинно-христіанскій характеръ не только всѣмъ его поученіямъ, бесѣдамъ общественнымъ и частнымъ, но и самой жизни его, всѣмъ отношеніямъ его къ людямъ и къ самому Господу, котораго онъ мыслилъ себя однимъ изъ высшихъ Его служителей на землѣ. И онъ поистинѣ былъ ревностнѣйшимъ слугою Господнимъ. Вотъ почему мы и надѣемся, что Господь Спаситель нашъ *исповѣсть его предъ Отцемъ своимъ, иже на небесахъ* и что *гдѣ Господь, тамъ и слуга Его будетъ*.

Можетъ быть та радостная улыбка, которою было озарено лице почившаго въ послѣднія минуты его кончины, была уже проблескомъ, предвкупеніемъ той новой жизни, въ которой нѣтъ болѣзней, печали и воздыханія и къ которой призвалъ его милосердый нашъ Спаситель, ко всѣмъ потрудившимся взывающій: „*приидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи и Азъ упокою вы*“ (Мѡ. XI, 28).

А по пропѣтіи стихиръ самогласныхъ, предъ прощаніемъ каедральный протоіерей В. П. Вишневскій охарактеризовалъ плодотворную апостольскую дѣятельность въ Бозѣ почившаго Архипастыря въ слѣдующей рѣчи:

„Апостолъ язычниковъ, св. Павелъ свою ревность о спасеніи коринтянъ, которыхъ онъ о Христѣ Исусѣ породилъ благовѣствованіемъ (1 Кор. IV. 15),

наименовалъ Божіею. *Ревную по васъ ревностію Божіею*, писалъ онъ имъ: *обручихъ бо васъ единоми мужу двѣмъ чисту представити Христови* (2 Кор. XI. 2).

Въ виду предсмертнаго завѣщанія, составленнаго усопшимъ въ Бозѣ преемникомъ апостольскаго служенія, добрымъ пастыремъ нашимъ, въ которомъ онъ пастырски *умоляетъ казанскую паству твердо хранить святую православную вѣру Христову, и неизмѣнно держатъся уставовъ святой церкви*, нужно ли искать вамъ, скорбящія о разлукѣ съ нимъ души, доказательствъ на то, что онъ, подобно св. Апостолу язычниковъ, *любилъ свою паству любовію Іисуса Христа* (Филип. I. 8). Выраженная имъ въ завѣщаніи мольба есть любовь Христова. Ибо о чемъ пекся оплакиваемый нами Архипастырь нашъ въ послѣднія минуты своей жизни? О нашемъ вѣчномъ животѣ, даровать который лежащему во злѣ міру *Богъ послалъ единороднаго Сына своего, раждаемаго отъ жены* (Гал. IV. 4), потому что самъ Сынъ Божій, въ которомъ жизнь вѣчная (1 Іоан. V. 11), удостоверяетъ, что *се есть животъ вѣчный, да знаютъ люди единаго истиннаго Бога, и Егоже послалъ есть Іисусъ Христъ* (Іоан. XVII. 3), по ученію православной нашей церкви, которая *утверждена на основаніи апостоловъ и пророковъ, имѣя самого Іисуса Христа краеугольнымъ камнемъ* (Еф. II. 20). Притомъ, смотрите, съ апостольскою же силою онъ и ревнуетъ о спасеніи, къ которому непрерывно тринадцать лѣтъ *призывалъ насъ благовѣствованіемъ апостоловъ, для достиженія славы Господа нашего Іисуса Христа* (2 Сол. III. 14). Такъ вспоминая о совершенномъ имъ у насъ священнодѣйствіи благовѣствованія Божія, мы нимало не преувеличимъ, а тѣмъ болѣе не польстимъ ему, если отъ лица его повторимъ сказанное св. Апостоломъ язычниковъ о себѣ, при послѣднемъ прощаніи съ ефесскими пастырями: *я не дорожилъ своею жизнію, только бы съ радостию совершить мое поприще и служеніе, которое я принялъ отъ Господа Іисуса Христа проповѣдать*

евангеліе благодати Божіей (Дѣян. XX. 21). Но этого мало! Видя, что ему должно скоро оставить земную храмину, онъ, подобно св. апостолу Петру, свою заботу о нашемъ спасеніи простираетъ за предѣлы своего гроба (2 Пет. I. 12). Здѣсь уже какъ солнце сіяетъ любовь его къ намъ *неотпадающая николиже* (1 Кор. XIII. 8).

Должны ли и мы бр. послѣ сего, лишаясь столь ревностнаго о благѣ своихъ овецъ пастыря, въ скорби сердець нашихъ, думать о себѣ, съ св. пророкомъ Божіимъ: *у лютъ мнѣ, душе, яко погиге благочестивый отъ земли, и исправляющаго нѣсть въ чловѣцѣхъ* (Мих. VII. 2)! Если взирая на кончину его, мы будемъ чисто и неукоризненно содержать доброе исповѣданіе, которое онъ завѣщаль намъ; то никто не приложитъ къ намъ укоризны, сказанной св. пророкомъ Исаіею своимъ современникамъ: *умираетъ праведникъ и никто не принимаетъ къ сердцу, и мужи благочестивые восхищаются отъ земли, и никто не помыслитъ* (Ис. LVII. 1). Держась слова жизни, которое, до восхожденія ко Отцу и Богу нашему, пастырь нашъ завѣщаль намъ, мы дѣлами нашими докажемъ *къ похвалѣ его въ день Христовъ, что онъ не тщетно подвизался, и не тщетно трудился у насъ* (Фил. II. 16).

Итакъ прійдите послѣднее цѣлованіе дадимъ усопшему, благодаря Бога за неизреченный даръ, который казанская паства имѣла отъ Него въ отходящемъ путемъ всея земли. Проливъ о немъ, по совѣту древняго премудраго, слезы, и горько оплакавъ его, по достоинству, не предадимъ печали сердець нашихъ; но въ покоѣ его упокоимъ память нашу о немъ (Сир. XXXVIII. 16. 23). Ибо скончавшіеся праведники въ глазахъ безумныхъ кажутся умершими, и исходъ ихъ отъ насъ считается погигелью, и отшествіе отъ насъ уничтоженіемъ; но надежда ихъ полна безсмертія. Они будутъ судить племена и владычествовать надъ народами, а надъ ними будетъ Господь царствовать во вѣки“ (Прем. III. 2, 3, 8).

Наконецъ Преосвященнѣйшій Феоктистъ, епископъ симбирскій, который былъ во время ректорства усопшаго въ кievской духовной академіи воспитанникомъ оной и слушателемъ незабвеннаго Владыки, по прочтеніи разрѣшительной грамоты, произнесъ слѣдующее:

„Въ Бозѣ почивающій Преосвященнѣйшій Антоній, архіепископъ Казанскій“!

„Эту хартію, содержащую въ себѣ моленіе о разрѣшеніи тебя отъ грѣховъ, только-что произнесенное мною предъ твоими бранными останками, въ слухъ окружающихъ оныя многочисленныхъ представителей твоей казанской паствы, по усердію и любви къ тебѣ сошедшихся для участія въ погребеніи тебя, я полагаю при тебѣ, въ гробѣ твоемъ, да будетъ она, въ нѣкоторомъ смыслѣ, видимою поручительницею въ томъ, что казанская паства твоя просила, просить и будетъ просить Господа Бога о дарованіи душѣ твоей вѣчнаго покоя и небеснаго царствія.

Но могу ли я ограничить этимъ малѣйшимъ для меня трудомъ свое послуженіе тебѣ, мертвецу новоначальному, нарочито прибывъ къ тебѣ изъ моего каѳедральнаго града Симбирска? Отнюдь не могу и не долженъ. Твое воспоминаніе обо мнѣ, въ минуту самыхъ тяжелыхъ, смертельныхъ твоихъ страданій, слѣлавшись мнѣ извѣстнымъ, тронуло меня до глубины души. Твое желаніе, чтобы я прибылъ къ тебѣ для погребенія, уважено нашимъ высшимъ священноначаліемъ,—и исполнилось: я здѣсь,—у твоего гроба, предъ умнымъ взоромъ души твоей, среди молитвенно предстоящей тебѣ казанской паствы;—я долженъ остаюсь говорить, а не молчать.

Болѣе трехъ десятковъ лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ Господь Богъ далъ мнѣ случай въ первый разъ увидѣть и узнать тебя и потомъ нѣсколько времени учиться у тебя. Въ числѣ первыхъ твоихъ уроковъ нашему тогдашнему академическому (XV-му)

курсу былъ изъ эсхатологіи богословско—догматическій урокъ „о смерти человѣка и о состояніи его по смерти.“ Подступая къ уясненію понятія смерти разными вопросами и соображеніями, ты съ особеннымъ чувствомъ произнесъ слѣдующія слова: „о, смерти, коль горька есть память твоя человѣку, мирно живущему во имѣніяхъ своихъ“! Тогда ты оставилъ безъ объясненія, какія имѣнія дѣлаютъ жизнь человѣка, обладающаго ими, мирною и пріятною,—большія ли или и малыя, законно ли только или и незаконно пріобрѣтенныя, — что во всѣхъ видахъ имѣній заключается особенно привязывающаго людей къ жизни и дѣлающаго для нихъ горькою и страшною самую мысль о смерти. Но и теперь, въ эти трогательно-священные минуты новоначальнаго пребыванія души твоей въ разлученіи отъ тѣла, неумѣстно мнѣ распространяться о значеніи имѣній для жизни настоящей и будущей. Ты не былъ стязателенъ; ты былъ щедръ и не щадилъ своего имѣнія, ты употреблялъ его на благоуукрашеніе храмовъ Божіихъ и иноческихъ обителей, на благосостояніе учебныхъ и разныхъ благотворительныхъ учрежденій, на обезпеченіе участи бѣдныхъ и неимущихъ лицъ. Ты часто вспоминалъ о смерти и заботливо готовился къ ней. Но и для тебя, какъ слышно, смерть не перемѣнила своей горечи на сладость, своей страшной угрозы на тихое и безмятежное успокоеніе. Горечь смерти теперь подлинно вкушена тобою. Чѣмъ же намъ, окружающимъ бранные твои останки и готовящимся положить ихъ въ нѣдра земли, усладить и возвеселить твою душу, отрѣшившуюся отъ тѣла? И отъ твоего лица и я отъ себя и отъ благодарно преданной тебѣ паствы воззовемъ ко Господу словами сей церковной пѣсни: „Молитву пролію ко Господу и Тому возвѣщу печали моя, яко золь душа моя исполнися и животъ мой аду приближися, и молюся, яко Іона, отъ тли Боже возведи мя“.

Да, отцы и братіе, эта молитва совершенно выражаетъ состояніе души отшедшаго отъ насъ, отнынѣ приснопамятнаго, архипастыря Антонія. Доколь человѣкъ живетъ въ настоящемъ мірѣ, доколь онъ можетъ высшими своими помысленіями безбоязненно и безопасно отрѣшаться отъ внѣшнихъ предметовъ, возноситься въ предѣлы міра горняго и не ужасаться столь возвышеннаго паренія своего духа въ премірныхъ областяхъ; даже не страшно бываетъ живому человѣку, впрочемъ заблуждающемуся, ниспадать своею душею и ея помысленіями и стремленіями въ область низшую человѣка и оплотенѣвать до забвенія себя и Бога. И то и другое безстрашіе бываетъ съ человѣкомъ лишь отъ того, что душа, не разрывая своего союза съ тѣломъ, имѣетъ опору въ немъ и чрезъ него остается съ возможностью покаянія, обращенія, усовершенствованія и, затѣмъ, съ надеждою на помилованіе отъ Господа Бога. Но какъ ей распорядиться собою, когда тѣло перестаетъ быть орудіемъ ея дѣйствій,—куда ей пойти, къ какому сонму существъ присоединиться и пр. и пр.? Умершій уже не можетъ дерзновенно просить себѣ прощенія грѣховъ у праведнаго Судіи и Бога; грѣхи его, хотя бы невольные и содѣянные имъ по невѣднію и юности, тяжки предъ Богомъ, на судѣ вѣчной правды Его. Онъ получаетъ, если скончался въ надеждѣ блаженнаго воскресенія, прощеніе отъ всѣхъ грѣховъ только по молитвѣ живыхъ членовъ церкви и по силѣ благодати безкровной жертвы, установленной для спасенія людей Господомъ Исусомъ Христомъ. И въ такомъ именно состояніи нынѣ находится душа отшедшаго отъ насъ архіепископа Антонія. Помолимся же объ немъ отъ всего сердца нашего, да избавитъ его Господь отъ тли смертнаго, да спасетъ душу его отъ отяготившихъ ее печалей и бѣдъ и, отдаливъ жизнь ея отъ вратъ и узъ адовыхъ, водворитъ ее въ горнихъ обителяхъ, въ селеніяхъ своихъ святыхъ угодниковъ.

Усопшій Архипастырь и отецъ! Остается нѣсколько минутъ, по истеченіи которыхъ честныя останки твои преданы будутъ погребенію. Мнѣ предстоитъ, вмѣстѣ съ паствою твоею, положить тебя съ твоимъ гробомъ въ нѣдра земли и съ великою скорбію сердца по тебѣ бросать на оный горсть земли. Это ли достойная тебя награда за твои многолѣтніе труды по воспитанію и приготовленію себя для царства небеснаго, за твои благотворныя попеченія о своей паствѣ, за твой доброжелательный привѣтъ, лично мнѣ оказанный въ довольно продолжительное время моего со-пребыванія съ тобою въ Кіевѣ, за твою отеческую благосклонность ко мнѣ? Но бывши въ послѣдніе два дня свидѣтелемъ великаго усердія къ тебѣ паствы твоей, выразившагося въ денно—нощномъ стеченіи чадъ ея къ твоему гробу для послѣдняго прощанія съ тобою, я не могъ не прийти къ мысли, что если бы каждый изъ приходящихъ къ тебѣ принесъ по горсти земли, то изъ однихъ этихъ приношеній составился бы довольно значительной высоты памятникъ въ назиданіе современной паствѣ твоей и на поучительную память людямъ послѣдующаго времени. Поэтому и я всегда, доколѣ будетъ живо во мнѣ мое сердце, пріятно буду вспоминать, что и отъ меня горсть земли положена на гробъ твоёмъ.

Да пребудетъ же по тебѣ, достоуважаемѣйшій и боголюбимый Архипастырь и отецъ, вѣчная и добрая память въ бывшей преданною тебѣ казанской паствѣ! Въ моемъ же сердцѣ она будетъ сохраняться и молитвенно оживляться до послѣднихъ минутъ моей жизни!“!

Послѣ того, какъ всѣми отдано было обычное послѣднее цѣлованіе въ Бозѣ почившему Архипастырю, совершенъ былъ торжественный крестный ходъ вокругъ собора, причемъ гробъ съ новопреставившимся святителемъ несенъ былъ на плечахъ почетнѣйшимъ здѣшнимъ духовенствомъ. Церемонія эта весьма наглядно напомнила ежегодно совершаемый въ великую субботу трогательный обрядъ погребенія

Господа нашего І. Христа. По совершеніи крестнаго хода, гробъ принесенъ былъ въ соборъ, и по завѣщанію усопшаго Владыки, опущенъ въ придѣльномъ, съ правой стороны, Христорождественскомъ храмѣ, въ могилу, въ которой до 1842 года почивалъ митрополитъ казанскій Тихонъ III-й, нетлѣнные останки котораго, по случаю перестройки того придѣла, перенесены подъ соборъ.

Все присутствовавшіе съ замираніемъ сердца смотрѣли на этотъ послѣдній актъ всей погребальной церемоніи, и слезно молились объ упокоеніи усопшаго.....

Поминовеніе Высокопреосвященнѣйшаго Антонія , архіепископа казанскаго и свѣяжскаго.

Въ теченіе всего такъ называемаго *сорокоуста*, въ память Высокопреосвященнѣйшаго архіепископа Антонія, духовенство казанское, и именно протоіереи, священники и діаконы, продолжали ежедневно чтеніе св. Евангелія въ крестовой церкви; а у могилы его соборное духовенство послѣ литургій паннихиды; преосвященнѣйшій же Павелъ, епископъ чебоксарскій, викарій казанской епархіи, ежедневно совершалъ божественныя литургіи и паннихиды о новопреставленномъ Владыкѣ въ своемъ монастырскомъ храмѣ, а также въ кафедральномъ соборѣ и въ дѣвичьемъ монастырѣ. Въ особенные же, знаменательные, по ученію православной Церкви, дни—9-й, 20-й и сороковой собиралось въ кафедральный соборъ градское духовенство, для совершенія торжественной паннихиды по новопреставленному Владыкѣ послѣ литургій, совершенныхъ здѣсь преосвященнымъ Павломъ. Въ эти 9, 20 и 40 дни память своего любимаго, въ Бозѣ почившаго Архипастыря нѣкоторые священнослужители почтили одушевленнымъ и назидательнымъ словомъ. Такъ о. протоіерей покровской, въ г. Казани церкви, Стефанъ Адоратскій, произнесъ въ соборѣ

надъ могилою Высокопреосвященнѣйшаго Антонія рѣчи—въ 9-й день послѣ кончины Его Высокопреосвященства и въ 20-й день; наканунѣ 40-го дня о. протоіерей каѳедральнаго собора Викторъ Петровичъ Вишневскій и въ самый 40-й день настоятель казанскаго Ивановскаго монастыря архимандритъ Сергій произнесли слова. Мы помѣщаемъ ниже всѣ эти слова и рѣчи, какъ очевидныя доказательства того, какою искреннѣйшею и глубочайшею любовію пользовался отъ подчиненнаго ему духовенства въ Бозѣ почившій Архипастырь, и какая благоговѣйная память о немъ сохраняется въ казанской паствѣ.

Въ послѣдній день сорокоуста, 17-го текущаго декабря, огромный каѳедральный соборъ былъ полонъ народа; тутъ были представители всѣхъ сословій и званій. По совершеніи божественной литургіи Его Преосвященствомъ, преосвященнѣйшимъ Павломъ, епископомъ чебоксарскимъ, викаріемъ казанской епархіи, съ двѣнадцатію сослужившими — архимандритами, протоіереями, священниками и іеромонахами, отправлена при участіи почти всего городского духовенства, торжественная панихида въ придѣльномъ храмѣ, у самой могилы усопшаго; а затѣмъ подобная же панихида совершена Его Преосвященствомъ въ самомъ архіерейскомъ домѣ, въ той самой комнатѣ, гдѣ скончался Высокопреосвященнѣйшій Антоній. Послѣ чего предложенъ въ зимнемъ архіерейскомъ домѣ городскому духовенству и представителямъ разныхъ сословій города поминальный обѣдъ, закончившійся пѣніемъ кондака: „со святыми упокой Христе душу раба твоего“, и по заукокойной чашѣ провозглашеніемъ, въ честь незабвеннаго Архипастыря, вѣчной памяти.

РѢЧЬ

ВЪ 9-й ДЕНЬ ПО КОНЧИНѢ.

(на соборной паннихидѣ)

Благостиѣйшій нашъ Архипастырѣ!

Съ радостно-трепетнымъ чувствомъ всегда мы являлись предъ твое лице въ твое спребываніе съ нами, съ теплою сердечною молитвою и слезами умиленія окружали твой гробъ и предстоимъ нынѣ твоей могилѣ, и не найдемъ слова, которое высказало бы нашу душу, наши внутреннѣйшія чувствованія смятеннаго сердца. Имѣя всегда доступъ къ твоему отеческому сердцу, которое было отверсто для насъ, и изъ котораго обильно почерпали мы радость, утѣшеніе, вразумленіе, совѣтъ, каждый изъ насъ все по своей нуждѣ и потребѣ, мы торжествовали духомъ и сердцемъ, и спокойно и безмятежно проходили наше жизненное поприще подъ твоимъ святительскимъ покровомъ; ничто насъ не тревожило, не смущало.

Теперь мы лишились въ тебѣ нашего благностиѣйшаго и благопопечительнѣйшаго Архипастыря и отца, неусыпно заботившагося о нашемъ благосостояніи и лучшемъ успѣхѣ во всякомъ дѣлѣ нашего служенія. Ты руководилъ насъ духомъ своимъ, пламенѣвшимъ къ Богу и къ святительскому твоему служенію и устремленнымъ ко всему высшему и совершеннѣйшему. Мы не сумѣемъ высказать, какъ многому, угодному Богу, мы научились у тебя. Ты не

щадилъ себя, и по примѣру Апостола Господня, истощилъ себя за души наши. Ты самъ говорилъ при вступленіи на казанскую паству, въ первое служеніе свое, что ты, по примѣру и по заповѣди Пастыреначальника Христа, такъ долженъ возлюбить паству твою, чтобы и душу свою быть готовымъ положить за нее. И на самомъ дѣлѣ ты положилъ за насъ и паству твою свою душу. Ибо что тебя низвело во гробъ и вмѣщающую тебя въ себѣ нынѣ могилу? Ты пришелъ къ намъ въ полной силѣ; твое здоровье цвѣло, а сердце было полно радости о Господѣ,—полно благодати и даровъ духовныхъ. Но ты пожертвовалъ и истощилъ всего себя на насъ и паству твою. Не зная покоя и отдыха, бдѣлъ о спасеніи всѣхъ, помня, что предлежитъ тебѣ слово воздати верховному Пастыреначальнику,—и нажилъ себѣ неизлѣчную болѣзнь, низведшую тебя еще рано во гробъ.

Благоговѣемъ предъ твоимъ святительскимъ подвигомъ, совершеннымъ тобою; отъ полноты сердца возносимъ благодареніе Господу Богу о твоёмъ высокомъ и доброплодномъ служеніи казанской церкви; порываемся всѣми силами быть подражателями твоей неослабной, исполненной благихъ плодовъ, дѣятельности, неусыпному труду и непрерывнымъ занятіямъ: спѣшимъ воспользоваться добрымъ примѣромъ благочестивой и нелицемѣрной вѣры и житія по вѣрѣ благочестиваго и богобоязненнаго, какой благоволилъ Господь Богъ указать намъ въ тебѣ незабвенный и приснопамятный Архипастырь нашъ, тако возлюбившій насъ, и указавшій мѣсто для вѣчнаго покоя своего здѣсь, гдѣ обычно собираться часто намъ, и гдѣ каждый отъ сердца вознесетъ ко Господу молитвенный гласъ: архіерейство твое да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ!

А ты, святитель Божій, переселившись отъ временной жизни въ нескончаемую, и принявъ дерзновеніе ко Господу, не престай вопіять къ Нему за насъ, еще пришельствующихъ на землѣ, чтобы мы, по мо-

литвамъ твоимъ, вспомошествоемыя благодатию Божіею, безбѣдно совершили каждый свое собственное земное поприще, и достигли нашего горняго назначенія; и чтобы въ тотъ день, когда Богъ будетъ судить тайныя дѣла человѣковъ (Рим. II. 16), не нашлось въ насъ ничего, препятствующаго нашему восходу въ небесныя селенія; но, по слову свят. апостола Петра, открылся бы намъ свободный входъ въ вѣчное царство Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа (2 Пет. I. 11) и чтобы вмѣстѣ съ тобою были восхищены въ срѣтеніе Господу, и такимъ образомъ всегда съ Господемъ будемъ (1 Сол. IV. 17).

РѢЧЬ

ВЪ 20-й ДЕНЬ ПО КОНЧИНѢ.

Свѣтлая и дорогая для всѣхъ благоговѣйныхъ и богобоязненныхъ чадъ казанскія паствы, и особенно для насъ, отцы и братія, память о почившемъ въ Возѣ, незабвенномъ архипастырѣ нашемъ, Высокопреосвященнѣйшемъ Антоніѣ, собрала и нынѣ насъ къ его могилѣ.

Многіе, по кончинѣ его, проводили при гробѣ его дни и ночи, пока могила не сокрыла гробъ. Но и теперь многіе ежедневно, неопустительно присутствуютъ при божественныхъ службахъ и соборныхъ молитвахъ, въ умиленіи сердца ненасытно молясь Богу о упокоеніи его. Такъ жива память о немъ, Преосвященнѣйшемъ Владыкѣ нашемъ и отцѣ;—уже нѣсколько дней прошло вѣковой разлуки съ нимъ, и мы какъ бы видимъ еще его, и бесѣдуемъ съ нимъ, и намъ будто слышится его сердечная бесѣда. Сердце его отверсто было для всякаго, жаждавшаго его архипастырскаго совѣта и наставленія, а не по одному холодному обычаю являвшагося къ нему. Кто изъ насъ не былъ участникомъ, въ то или другое время, его бесѣды, исполненной глубокаго чувства и растворенной умиленіемъ сердечнымъ! Его слово было свѣтлою, животворною струею, которая обильно лилась, вдохновляя, ободряя и укрѣпляя души и сердца, требовавшія вразумленія и назиданія. Какъ земля вспа-

ханная много вбираетъ въ себя влаги во время обильнаго дождя, такъ сердца, умягченныя вѣрою и страхомъ Божіимъ, и истерзанныя скорбями и напастьми жизни, ненасытно внимали изъ богоглаголивыхъ устъ Архипастыря благовѣстію Христову.

Свят. Апостоль говоритъ, что каждому дается проявленіе Духа на пользу (1 Кор. XII. 7). И душа почившаго Архипастыря нашего была вмѣстилищемъ благодатныхъ даровъ, и ясно проявляла на пользу нашу силу духа, которымъ обладала. Онъ читалъ ясно въ сердцахъ, и это было и источникомъ утѣшенія для архипастырекаго сердца, когда онъ видѣлъ насъ успѣвающими въ вѣрѣ, житіи и разумѣніи духовномъ, но было и источникомъ сильной скорби, когда видѣлъ, что инья чада паствы его нерадятъ о своемъ небесномъ званіи и избраніи, и одержимы дремотою лѣности и сномъ грѣховнымъ.

Онъ, благостнѣйшій Архипастырь, имѣлъ всѣхъ насъ въ своемъ сердцѣ (Филип. I. 7), носилъ немощи немощныхъ (Рим. XV. 1), и глубоко болѣзновалъ о насъ, доколѣ вообразится въ насъ Христость (Гал. IV. 19), и мы придемъ въ мѣру полного возраста Христова, и уразумѣемъ превосходящую разумѣніе любовь Христову, желая, чтобы мы не были младенцами, колеблющимися и увлекающимися всякимъ вѣтромъ ученія, по лукавству челоуѣковъ, по хитрому искусству обольщенія (Еф. IV. 13, 14. III, 12). И эта то неутолимая болѣзнь сердечная болѣе, чѣмъ болѣзнь тѣлесная, подорвала тѣлесныя силы его, и привела его еще рано ко гробу и могилѣ. Много разъ бывая у него по обязанностямъ служебнымъ, я видѣлъ его скорбящимъ, тоскующимъ и изнемогающимъ, сѣтующимъ и стенающимъ. Иногда держа себя обѣими руками за грудь, онъ повторялъ слова: „духъ пропадаетъ, духъ мой исчезаетъ, унываетъ во мнѣ сердце“. Такъ онъ невидимо для всѣхъ глубоко и тяжело страдалъ. Наше утѣшеніе и радость, которыя мы обильно почерпали изъ его задушевныхъ бесѣдъ, стоили ему дорого искупались страданіемъ и томленіемъ духа и сердца.

Въ одной молитвѣ и въ божественныхъ службахъ ежедневныхъ, при которыхъ онъ неопустительно присутствовалъ, онъ находилъ благодатное утѣшеніе и радованіе о Господѣ.

Намъ бр. дано еще здѣсь цвѣсти, и, дай Богъ, чтобы мы цвѣли для одного неба, чтобы жизнь каждаго изъ насъ была приготовленіемъ и воспитаніемъ для жизни вѣчной, подъ божественнымъ руководствомъ; чтобы мы насажденные въ дому Господнемъ, гдѣ текутъ рѣки божественнаго ученія, гдѣ носится дыханіе благодати всесвятаго и животворящаго Духа, процвѣтали духовными совершенствами и святостію жизни.

Будемъ, брат., чаще посѣщать могилу почившаго Архипастыря и здѣсь, проливая о немъ теплую молитву, оплакивать наше неразуміе, что мы часто, по подобію несмысленныхъ дѣтей, колеблемся земными помыслами и суетными желаніями, и увлекаемся скорогибнущими красотами міра сего, такъ что изъ-за тлѣннаго и земнаго нерѣдко забываемъ вѣчное и небесное.

Кто изъ насъ Елисей, которому Илія оставилъ милоть свою, возносясь яко на небо? Кто изъ насъ съ блаженною кончиною Архипастыря восчувствовалъ особенное возбужденіе духа, влекущее его съ особенною силою на служеніе Богу и церкви, — тотъ действуй, благодаря Бога о неисповѣдимомъ дарѣ Его, которымъ Господь Богъ украшаетъ души наши, предъобручая насъ къ вѣчно-блаженной жизни и царству небесному.

Станемъ убо, брат., добрѣ, со страхомъ Божиимъ, во святынѣ и непорочности проводить жизнь нашу, и, какъ избранные Божіи, облечемъ въ милосердіе, благодать, смиренномудріе, кротость, долготерпѣніе, болѣе же всего облечемъ въ любовь божественную, которая, по слову свят. Апостола, есть совокупность совершенствъ, да миръ Божій, превосходяй всякъ умъ, соблюдетъ сердца наши и помышленія наши о Христѣ Іисусѣ!

СЛОВО

въ сороковой день по кончинѣ Пресвященнаго Авто-
нія, архіепископа казанскаго ⁽¹⁾.

—

Ни по единому же постыждуся, но во всякомъ дерзновеніи, якоже всегда, и нынѣ возвеличится Христосъ въ тѣлѣ мѣмѣ, аще живомѣмѣ, аще ли смертію (Филип. I. 20).

Въ самомъ дѣлѣ жившему во плоти вѣрою Сына Божія, св. апостолу Павлу (Гал. II. 20), можно ли было, находясь въ угрожавшихъ ему смертію узахъ, сомнѣваться въ томъ, что Христосъ прославится въ немъ, остался ли бы онъ живъ, или бы умеръ? Если Христосъ, когорый жилъ въ немъ для призванныхъ *Иудеевъ и Еллиновеъ сестъ Божія сила и Божія премудрость* (1 Кор. I. 24.); то могъ ли Павелъ не ожидать себѣ покрѣпленія въ преодоленіи всего, угрожавшаго ему смертію, и торжества надъ самою даже смертію? О этой силѣ Христовой онъ писалъ церкви коринтской: *Мы были отягчены и сверхъ силы, такъ что не надѣялись остаться въ живыхъ. Но сами въ себя имѣли приговоръ къ смерти, для того, чтобы не на себя надѣяться, но на Бога, воскрешающаго мерт-*

(1) Произнесено наканунѣ сорокоуста,

выхъ, которыи и избавилъ насъ отъ столь близкой смерти и избавляетъ, и на котораго надѣемся, что и еще избавитъ (2 Кор. I. 9—11.); а о своемъ безстрашии предъ смертію онъ засвидѣтельствовалъ на пути въ Иерусалимъ, гдѣ ожидали его Іудеи, чтобы предать язычникамъ, сказавъ своимъ спутникамъ, которые воспрещали ему идти туда: *что плечете и сокрушаете мое сердце! Я хочу не только быть узникомъ, но и умереть въ Иерусалимъ за имя Господа Іисуса* (Дѣян. XXI. 13).

И преемникъ апостольскаго служенія въ помѣстной церкви нашей братъ, нынѣ оплакиваемый нами уже сорокъ дней Іерархъ, *силою Бога, спасшаго насъ и призвавшаго званіемъ святымъ*, по примѣру апостола язычниковъ св. Павла, совершалъ пастырское свое служеніе у насъ съ постоянною готовностію *положить жизнь свою за овецъ своихъ* (Іоан. X. 15). Ибо зная, *въ кого онъ уверовалъ и бывъ увѣренъ, что вѣруемый и исповѣдуемый имъ силенъ сохранитъ залогъ его на день опыи* (2 Тим. I. 12.), онъ совершалъ свое теченіе съ такимъ самоотверженіемъ, что не дорожилъ своею жизнію, только бы съ радостію совершилъ свое служеніе, которое принялъ отъ Господа Іисуса, проповѣдать *благовѣствованіе благодати Божіей* (Дѣян. XX. 24), и всегда радовался, помыслиая, если бы привелось ему быть жертвою за жертву и служеніе *вѣры нашей* (Филип. II. 17).

Иосему если, по словамъ древняго премудраго, *въ скончаніи человека открытіе дѣлъ его* (Сир. XI. 27); то и памятию нашею объ отшедшемъ къ Господу святителѣ нашемъ должно быть одно праславленіе въ немъ имени Господа нашего Іисуса Христа (Сол. I. 12). Ибо *благодать Господа нашего Іисуса Христа въ немъ открылась въ такомъ обиліи, съ вѣрою и любовію во Христа Іисуса* (1 Тим. I. 14), что онъ пастырское служеніе свое у насъ совершилъ, *не щадя жизни своей, ради славы имени Господа нашего Іисуса Христа и Евангелія* (Мар. VIII. 35), священ-

поддѣйствовавъ благовѣствованіе Божіе, не цинвая, искренно какъ отъ Бога и предъ Богомъ (2 Кор. II. 17), и упасши стадо Божіе, которое у насъ, назирая за нимъ не для корысти, но изъ усердія, и не господствуя надъ наследіемъ Божіимъ (1 Петр. 2—3).

А если, по словамъ того же премудраго, *никого нельзя до смерти называть блаженнымъ (Сир. XI. 28);* то при всякомъ воспоминаніи объ усопшемъ въ Господѣ святителѣ нашемъ, въ молитвахъ нашихъ, мы должны благодарить Господа, благословившаго ему сохранить до конца жизни своей данный ему залогъ наследія (Еф. I. 14)—*духъ силы, любви и интеллектуальности (2 Тим. I. 7).* Ибо если усопшій святитель нашъ до конца своей жизни *являлъ себя какъ служитель Божій въ великомъ терпѣніи, въ неусыпныхъ трудахъ, въ постоянномъ бдѣніи, въ чистотѣ въ благости, въ великодушіи, въ любви нелицемѣрной, въ словѣ истинны, въ чести и безчестіи, при порицаніяхъ и похвалахъ (2 Кор. IV. 6-8);* то это отъ того, что Богъ всякія благодати, начавъ въ немъ доброе дѣло, совершилъ оное до конца. Ибо *Богъ есть дѣйствующій въ насъ и еже хотѣти, и еже дѣяти, по благоволенію (Филип. II. 13).*

Если же, по заповѣди св. Апостола, мы должны *наставниковъ нашихъ, проповѣдывавшихъ намъ слово Божіе, поминать не просто, но взирая на кончину ихъ, подражать вѣрѣ ихъ (Евр. XIII. 7);* то памятуя непрестанно дѣло вѣры, трудъ любви и терпѣніе упованія усопшаго во Господѣ святителя нашего на Господа нашего Иисуса Христа предъ Богомъ и Отцемъ нашимъ, мы должны стараться подражать ему *въ житіи, въ любви, въ вѣрѣ, чистотѣ, образехъ которыхъ онъ представилъ для вѣрныхъ въ себя (1 Тим. II. 14).* Ибо *любовь Божія и терпѣніе Христово, въ которыхъ Господь управилъ сердце его, суть слава наша (Еф. III. 13),* потому что *Богъ поставилъ однихъ апостолами, другихъ пророками, иныхъ евангелистами, иныхъ пастырями и учителями, къ совершенію свя-*

тыхъ, на дѣло служенія, для созиданія тѣла Христова, или церкви Христовой (Еф. VI. 11, 12). Следовательно разумѣя, что отшедшій ко Господу святитель нашъ долженъ быть нашею похвалою въ день Господа нашего Иисуса Христа (2 Кор. I. 14), и мы должны, по примѣру его, подвизаться добрыми подвигомъ въры, т. е. преуславлять въ правдѣ, въ благочестіи, върт. любви, терпѣніи, кротости (1 Тим. VI. 11), дабы въ день Христовъ онъ могъ сказать о насъ тоже, что сказалъ св. апостолъ Павелъ о содѣйствовавшихъ ему въ благотвореніи братіямъ, что мы слава Христова, и что онъ справедливо хвалился нами (2 Кор. VIII. 23, 24).

Итакъ вотъ съ какими похвалами долженъ быть у насъ, брат., въ память вѣчную преподобный и незабвенный, по отшествіи ко Господу, святитель нашъ, и вотъ почему память о немъ должна быть свята для насъ. Черезъ эти похвалы прославится Богъ во святыхъ своихъ и явится дивнымъ во всѣхъ въровавшихъ, когда придетъ воздать каждому, соответственно тому, что онъ дѣлалъ, живя въ тѣль, доброе или злое (2 Кор. V. 10).

А мы теперь, слыша возвѣщенное отъ Духа церквамъ, что *побѣждаѣи не имать вреждатися отъ смерти вторыя* (Ап. II. 11), оставимъ въ покоѣ память объ усопшемъ добромъ пастырѣ нашемъ, видя, что онъ по трудахъ своихъ вошелъ въ покой (Евр. VI. 3); и утѣшимся, зная, что духъ его отошелъ ко Господу. (Сир. XXXVIII. 23). Аминь.

СЛОВО

на заупокойной литургіи въ 40-й день по кончинѣ Высокопреосвященнаго Антонія, архіепископа казанскаго.

Удобно есть предъ Богомъ въ день смерти воздати человеку по дѣломъ его, и въ скончаніи человека открытіе дѣлъ его (Сирах. XI. 26—27).

Въ настоящее время, когда уже совершилась *чѣмъ-лиа четьредесятница* по смерти въ Бозѣ почившаго Архипастыря нашего, нѣтъ сомнѣній, спокойнѣе и потому назидательнѣе могутъ быть всякія воспоминанія и размышленія о томъ, что представляетъ и внушаетъ всѣмъ и каждому изъ насъ совершившеся въ этой кончинѣ по отношенію и къ состоянію самого почившаго и къ нашему собственному.

Совершилась *четьредесятница* по отшествіи его... четьредесятница, по ученію св. церкви, самая знаменательная, и вмѣстѣ съ тѣмъ таинственная,... начиная отъ самыхъ первыхъ минутъ разлученія души отъ тѣла и оканчивая послѣднимъ предѣломъ этой четьредесятницы.

Первое начальное значеніе ея мы уже знаемъ и исповѣдали, когда, при самомъ погребальномъ отпѣваніи въ Бозѣ почившаго, слышали изъ устъ св. церкви и сами съ нею возвѣщали такія слова: *безмолвствуйте убо, безмолвствуйте вси и предлежаще-*

му умолчите и великое таинство узрите, — страшный бо часъ: умолчите проче, да съ зиромъ душа отъидеть, — въ подвижъ бо величымъ содржится и въ страсть мнози молитъ Бога (¹).

Второе же значеніе указуемой четьредесятницы во всемъ продолженіи ея состоитъ въ томъ, — какъ читаемъ въ Догматическомъ Богословіи самого въ Бозѣ почившаго, — что „здѣсь, по ученію православной церкви, происходитъ истязаніе всѣхъ отшедшихъ душъ на такъ *именуемыхъ мытарствахъ*, чрезъ которыя онѣ, рогходя отъ земли въ сопровожденіи ангеловъ, проходятъ воздушное пространство, и на которыхъ злые духи задерживаютъ ихъ и обличаютъ всѣ грѣхи, содѣянные вмѣстѣ съ тѣлами во все время земной жизни. Потому-то, говорить, въ одномъ словѣ св. Златоустъ, „всѣкая душа, по разлученіи съ тѣломъ, имѣеть великую нужду въ помощи и заступленіи ангеловъ и въ молитвахъ св. церкви, дабы быть препровожденною и защищенною отъ старѣйшинствъ и властей и міродержителей — духовъ злобы... на пути и въ состояніи сего четьредесятодневнаго прехожденія“. „Впрочемъ, — по ученію же св. отцевъ, не всѣ души въ равной мѣрѣ задерживаются злыми духами на мытарственныхъ пространствахъ, но смотря по степени нравственнаго ихъ совершенства; потому души чистыя и святыя, подобно душѣ Лазаря, не задерживаются, а несутся добрыми св. ангелами на лоно Авраамле“ (²).

И что же? Мы готовы, по единомудушному чувству вѣры и упованія, приложить это послѣднее, столь утѣшительное, состояніе къ душѣ прешедшаго отъ насъ нашего Святителя, ... котораго не даромъ же „*паства казанская такъ чтитъ при жизни, что признавала его за святаго*“ (³)?! Но, кромѣ паствы, и

(¹) Икосъ 20-й въ чищѣ погреб. священниковъ.

(²) Смотр. Догм. Богословіе А. Антонія § 344-и.

(³) Смотр. Церков. Вѣстникъ № 45. 1879 г. Некрологъ.

другими справедливо засвидѣтельствовано, что въ Бозѣ почившій былъ дѣйствительно „*достойнѣйшій архипастырь Русской церкви, святитель духа твердаго, честности неподкупной, убѣжденій непреклонныхъ*“, какъ правыхъ и истинныхъ (¹). Поэтому мы, въ силу выраженныхъ чувствованій и убѣжденій, засвидѣтельствуемъ о немъ такъ, чтобы, въ мѣру его достоинствъ, приложить къ нему, въ извѣстной степени, смыслъ и значеніе словъ, сказанныхъ св. Апостоломъ о себѣ: *подвизомъ добрымъ подвижамъ, мечисіе скончахъ, вѣру соблюдохъ..*

Но не ограничиваясь приведенными свидѣтельствами о личности почившаго, укажемъ еще одно, и для сего обратимся мыслію къ неизреченной по совершеніишемуся на ней таинству спасенія всего человѣческаго рода *Голгоотъ*. Вотъ что сообщаютъ изъ св. града Іерусалима:

„Вечеромъ, еще 11-го ноября, іерусалимскою патріархіею получена была изъ Константинополя отъ блаженнѣйшаго патріарха іерусалимскаго Геродея *почальная* телеграмма, извѣщавшая іерусалимскій священнѣйшій синодъ о *кончинѣ преосвященнаго архієпископа казанскаго Антонія*. Вслѣдствіе этого на другой же день (слѣд. въ самый день погребенія) на свят. самой *Голгоотъ* была совершена архієрейскимъ служеніемъ заукокойная литургія, по окончаніи которой преосвященнымъ севастійскимъ, митрополитомъ Никифоромъ со всѣми, пребывающими во свят. градѣ Іерусалимѣ, архієреями и при участіи всего святоградскаго духовенства отправлена была торжественная паннихида. Вмѣстѣ съ тѣмъ блаженнѣйшій патр. Геродей, *црля многообразныя и многоплодныя труды почившаго, подъятыя имъ на пользу православія*, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы *имя новопреставленнаго архієпископа казанскаго Антонія* было внесено въ

(¹) Смотр. Церков. Вѣстникъ № 43. 1879 г. Некрологъ.

св. диптихи для святаго его поминаенія и на св. Голговъ и въ прочихъ св. мѣстахъ Палестины“ (1).

Итакъ, воистину удобно есть предъ Богомъ въ день смерти воздати человѣку по дѣломъ его и въ скончаніи человѣка открытіе дѣлъ его!

Въ самомъ дѣлѣ, если уже и то, облизвѣщенное теперь, *воздаяніе чести* имени и памяти почившаго, по коему онъ именуется *достойнѣйшимъ архипастыремъ Русской церкви*, сколько превышаетъ мѣру его собственнаго смиренномудрїя, столько же соответствуетъ и душевнымъ чувствованїямъ любящихъ его чадъ, то что значитъ, когда имя и память его такъ *достойно и праведно* почтены и самимъ патриархомъ и всѣмъ сонмомъ срятителей св. града Иерусалима — прамагери всѣхъ христіанскихъ церквей..., почтены за *многообразные и многоплодные труды его на пользу вообще православїя* и внесены на вѣчное поминаеніе тамъ, гдѣ совершилъ и завершилъ свое служеніе самъ Началоположникъ спасенїя и вѣчный Глава своей церкви?! Что значитъ это, какъ не то, что удобно и благоугодно, несомнѣнно, было самому только Богу въ день смерти, такъ и не иначе, воздати человѣку по дѣломъ его *и такъ скоро* въ скончаніи явить открытіе дѣлъ его?! Явить не по отношенію только къ нему, а чрезъ него явить всѣмъ изначальное и неизмѣнное, и никакими силами, ни *даже самими вратами ада* невыносимое и нерушимое ещеніе и общеніе въ духѣ вѣры и молитвы всѣхъ церквей православїя и всѣхъ предстоятелей ихъ, наченъ отъ первоначала — востока... Что значитъ все это и для насъ — *насомыхъ церкви казанской*, когда самое *наименованіе* ея съ именемъ и памятію ея бывшаго предстоятеля перешло въ вѣчную извѣстность при вѣчномъ поминаеніи его тамъ—*на Голговъ*?!

(1) Смотр. газет. «Востокъ» № 23 отъ 29 ноября 1879 г. стр. 352.

Чѣмъ заслужили мы такое рожденнѣйшее достояніе?

Въ отвѣтъ на это не станемъ, по любимому и всегда задушевно-назидательному въ устахъ почившаго Архипастыря нашего выраженію, *гдаться во взысканіе помысловъ*. Помыслимъ и будемъ помышлять о томъ, что во 1-хъ слышали и гдѣаемъ изъ его послѣдняго завѣщанія, и во 2-хъ—что сказано хотя и давно, но по его же личному желанію предъ кончиною поручено для напечатанія, и гдѣ, между прочимъ, выражено задушевное желаніе его—молитвенное ко Господу, *„дабы Онъ сподобилъ его смѣстивъ со всю его паствою на страшномъ судѣ Христовомъ явиться добрыми и непостыдными исповѣдниками вѣры Христовой“* (1).

Остается невольнo-желательная и, насколько позволительно, пытливая мысль: „а что теперь, по минованіи четырехдесятиницы по отшествіи отечюта, *послѣ лоей*, по ученію св. церкви, непосредственно наступитъ *судъ частныи*, въ какой мѣрѣ *испостыдно* предсталъ на этотъ судъ самъ почившій Архипастырь?!

Но, братіе, всячески сдерживая такую нашу пытливость, *возносящуюся* туда—за предѣлы земли и времени, *идиже самъ Господь Богъ* премудро *положилъ*, по слову псалмопѣвца,—*тму за кровъ свои*,.. удовлетворимъ естественность ея тѣмъ, что зрѣли и знаемъ здѣсь отъ появляющихся уже писаній, а равно изъ многочастныхъ и столько поучительныхъ при гробѣ самомъ вѣщаній,—не говоря уже о переходящихъ изъ устъ въ уста, изъ слуха въ слухъ разнообразныхъ сказанійхъ (къ прискорбію не вездѣ вѣрныхъ) о послѣднемъ времени жизни и приготовленіи къ кончинѣ и самой кончинѣ почившаго.

Кто не знаетъ, что при первомъ только проявленіи болѣзни, бывшемъ почти за полтора года, и.

(1) Смолр. Правосл Собес 1879 г Ноябрь. Слово въ день св. великомуч Екатерины и предисловіе къ нему отъ Редакціи.

повидимому, не предвѣщавшемъ такого исхода.—почившій тѣмъ не менѣе *первые всего вручилъ себя*, по его собственному выраженію, *Врачу души и тѣлеса*, принявъ немедленно *таинство елеосвященія*, которое, какъ не безызвѣстно, многіе столько же предостраиваютъ отъ себя, сколько и самую мысль о страхѣ и опасности за жизнь.

Это разъ... Далѣе, (минуемъ многія подробности, чтобы не распространять настоящаго слова) многіе знаютъ непосредственно, а чрезъ нихъ еще большіе, что какъ только снова проявилась болѣзнь, прежде бывшая, —почившій, по глубокому самонаблюденію и естественному нѣкому предчувствію, съ той же поры сталъ смотрѣть на себя, какъ на скорого пресельника отсюда... хогя со всею самоотверженностію собиралъ послѣдніе остатки силъ на принесеніе ихъ долгу и дѣлу своего святительскаго служенія. Затѣмъ, возлегши уже на безысходный болѣзненный одръ, онъ и тутъ не преставалъ совершать возможно должное для здѣшней жизни, а паче всего непрестанно приуготовлялъ себя къ скорому или не скорому исходу... Если же онъ, при этомъ, и не отрицать пособій врачевныхъ, то не въ видахъ уже возвращенія къ здравію, а только чтобы не ослабнуть въ конецъ и, по собственному его выраженію, не быть чрезъ это въ особенную тягость другимъ и не приводить искренно сочувственныхъ ему людей въ преждевременное *печалованіе*.—И, дѣйствительно, знающіе знаютъ всю силу этого *щадительнаго* его чувства и образа отношеній его къ другимъ.

Впрочемъ, и при одномъ взираніи на самый образъ его самоприготовленія къ исходу, уже само собою проявлялось въ сердцѣ видѣвшихъ не печалованіе, а то чувство, которое трудно выразить вполне соответствующимъ наименованіемъ.. Это — тотъ образъ приготовленія *къ скорчанію и самаго скорчанія*, о которомъ поучаетъ св. Апостоль: *поминайте наставники ваша, иже глаголаши вамъ слово Божіе, и взи-*

*рающе на окончаніе ихъ жителства, подражайте вѣр-
ть ихъ* (Евр. XIII, 7). -

Какъ бы въ *проборазъ* той загробной уже *че-
тырдесятницы*, окончаніе которой мы нынѣ освяща-
емъ особымъ священнодѣйствіемъ и молитвенными пѣ-
ніями въ память души почившаго, и самое *предуго-
товленіе* его къ исходу продолжалось тоже *цѣлую че-
тырдесятницу*, начиная именно съ 1-го октября. Въ
этотъ день, какъ извѣстно, онъ самъ въ послѣдній
разъ здѣсь же въ этомъ св. храмѣ воздѣвалъ свои
пренобщительскія руки и совершилъ послѣднюю тай-
ную пребожественную вечерю, быть можетъ, и самъ
не вѣдая, что она послѣдняя здѣсь для него на землѣ.

Въ эту-то *предуготовительную* *четырдесятницу*,
и особенно со *времени ся пренобщенія*, не только
его состояніе, но и вся обстановка около него, и
всѣ дѣйствія и слова бывавшихъ у него, видимо-пре-
видимо, свидѣтельствовали о томъ, о чемъ онъ и самъ
сталъ уже явственнѣе *возвѣщать*...

Такъ узнавъ, что во всѣхъ храмахъ возносятся
о немъ особливья, положенныя по чину цер-
ковному, моленія о его здравіи, онъ не разъ гово-
рилъ вслухъ многихъ: „ахъ! не о томъ вы молитесь,
чтобы я возвратился къ здравію, но чтобы скорѣе
исполнилось надо мною слово *Создавшаго и Улыбаго*:
земля еси и въ землю отыдеси; и да не изведу
только буду на грѣхѣхъ моихъ на мѣсто мученія, но
оа *счинитъ мя Христосъ Богъ, идыже и имже самъ
вѣсть судьбами*“... Еще ближе становясь къ исходу
и взирая на свой болѣзненный одръ, какъ уже на
гробъ,—повторялъ: „*вотъ я уже помышляю и примы-
риваюсь, какъ буду лежать во гробъ*... О! когда бы
только не такъ *страдаемо*“...

При такихъ *испостыдныхъ* вѣроупователныхъ
размышленіяхъ о возлежаніи во гробъ недоставало
только самого гроба, чтобы слово перешло въ самое
дѣло, хотя распоряженіе о приготовленіи его было
имъ же самимъ сдѣлано, а самыя святительскія одеж-

ды для посмертнаго облаченія были подобраны за нѣсколько дней по его личному выбору и положены на определенномъ мѣстѣ.

Въ послѣднюю седмицу, *ссомину уже предсмертную*, почти неумолкаемо происходило при одрѣ его молитвенное чтеніе, непрерывавшеся даже и прихожденіемъ многихъ или для посѣщенія, или уже послѣдняго принятія благословенія. Кромѣ же сего молитвеннаго его настроенія онъ очищалъ себя таинствомъ покаянія и неизмѣнно каждый день, еще до этой седмицы, освящалъ себя благоговѣйнѣйшимъ приобщеніемъ св. Христовыхъ таинъ *въ наутиѣ и насладіѣ живота вѣчнаго и непостыдное предстаніе и добрый отвѣтъ на судищи Христовомъ*. Въ самый же послѣдній день почившій тѣмъ наче наутествовалъ себя принятіемъ сей божественной трапезы, не вкушавши уже ничего еще и наканунѣ отъ трапезы земной, вѣщественной.

Такова была вся предуготовительная сорокатынница, за которую, вѣдѣвъ за испущеніемъ *достоправедническаго* его духа, наступила вторая, нынѣ же кончившаяся... О! когда бы *эта послѣдняя* была во всемъ подобною *первой*, — когда бы душа его какъ блаженно-мирно изошла изъ брэнной тѣлесной храмины, такъ же точно и тамъ *во благихъ водворилась*, и когда бы *частныи судъ* Божіи надъ его душею, по единой неизреченной милости Божіей, былъ подобенъ тѣмъ святоискреннимъ убѣжденіямъ нашимъ, и молитвеннымъ поминаніямъ и всякимъ истинно-сердечнымъ госноминаніямъ, которыя, дай Богъ, чтобы соотвѣтствовали прежде сказанной заповѣди св. Апостола о *поминаніи наставниковъ и взиранію на скончаніе ихъ житльства*...

О! когда бы все, что мы вѣдаемъ теперь и будемъ вѣдать впредь и по живымъ устнымъ преданіямъ и по письменнымъ, уже начинающимъ появляться, воспоминаніямъ, было несомнѣннымъ свидѣтельствомъ и ручательствомъ, что имя и память отъ

насъ представлянагося есть и будетъ во *благословеніяхъ* въ роды и роды...

Мы же, посылно соревнуя достойнымъ всякаго подражанія свойствамъ почивааго Архипастыря нашего, яко *присныя* по духу *чада* его, какъ и при послѣднемъ прощаніи, такъ и теперь и впредь не забудемъ своего пронально-молитвеннаго дома, приходя къ мѣсту его покоища, или даже мимо ходя его хотя бы и случайно. А самъ онъ, *ище обрѣлъ благодать у Господа*, несомѣнно участиве, чѣмъ мы, будемъ зрѣть каждое прихождение къ мѣсту его покоища, такъ какъ прихождение это есть и будетъ входеніемъ и въ сей храмъ для молитвеннаго участія въ священнодѣйствіяхъ.

Будемъ же взирать и на самое мѣсто его покоища, не какъ чести ради его святительства здѣсь уготованное, но съ вѣрою, что какъ на этомъ мѣстѣ, по преимуществу, онъ былъ срѣтаемъ нами при входеніяхъ его во храмъ сей для священнодѣйствія (входеніяхъ настолько усердно-частыхъ, что примѣръ ихъ въ этомъ не для всякаго можетъ быть удобоподражателенъ —), — такъ и отсель навсегда душа и духъ его благодатно-молитвенный будутъ присутствіи здѣсь посредѣ церкви усердно молящихся, — яко *присныхъ* ему *чадъ* его паствы, и паче посредѣ *поминающихъ* его, по слову св. Апостола, яко *наставника, глаголашаго слово Божіе, и взирающихъ на словеса его жительства* для посылнаго подражанія вѣрѣ его. Аминь.

ОПЕЧАТКА.

Напечатано:

Должно читать:

Стр. 5, строка 2 снизу.

1848 г.

1843 г.